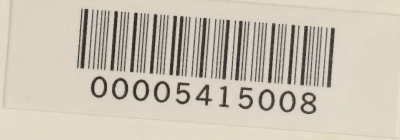
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3470
.S327
T4
1910z

DEMCO


00005415008

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/tetradvsafianiek00savv

Тетрадь въ сафьянъ.

2-ое изданіе.

Саввапій.

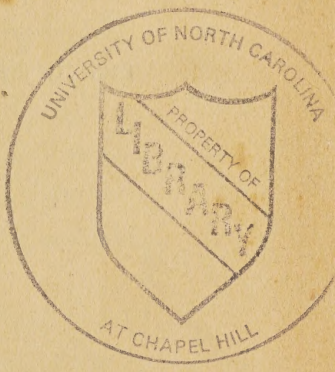
PG 3470
.S327
T4
1910z

САВВАТІЙ.

ТЕТРАДЬ ВЪ САФЬЯНЪ.

Хроника села Арсеньевки.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.



ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
быв. М. В. Попова.
(влад: **М. А. ЯСНЫЙ**).
С.-Петербургъ, Невскій пр., 66.

Тип. „Печатный Трудъ“, Прачешный пер., № 4

9 мая 19...

Я—репетиторъ въ семьѣ Лягавыхъ. Живу въ селѣ Арсеньевскомъ, Лягавое тожъ. Селомъ, собственно, зовется то жуткое, что за оградой усадьбы,—пространство земли, укрытое соломой. Солома—жилье, солома—кормъ, солома—головы, ибо такъ же буры, нечесаны.

Пишу для себя, просто—чтобы когда-нибудь вспомнить, хотя порой меня волнуетъ надежда: авось, кто-нибудь, когда-нибудь перелистаетъ дневникъ репетитора.

Странное имя Лягавыхъ, но древнее: об-

Slavic

ладаетъ дипломами не хуже премированной собаки.

Семья—изъ шестерыхъ: отецъ съ матерью, да четверо дѣтей.

Трое—повзрослѣй, четвертая — дѣвочка тринадцати лѣтъ. Любитъ сладкое, слегка картавитъ, какъ старшій братъ Арсеній, мой ученикъ. Обыкновенно являюсь въ началѣ іюня; нынѣшнимъ лѣтомъ замужъ выходитъ старшая дочь, Варя; просили быть шафером. Вѣнчаютъ въ родовомъ гнѣздѣ четырнадцатаго мая.

Я—посторонній человѣкъ, репетиторъ, но привязался къ нимъ, какъ къ дурной привычкѣ, и они ко мнѣ.

---

13 мая 19...

Канунъ вѣнчанья. Хозяйка просила перейти на два дня въ каморку, темный чуланъ, набитый старымъ хламомъ. Отчего

бы нѣтъ? Я не боюсь мышей. Итакъ, въ каморкѣ.

Но не безцѣльно лежу въ темнотѣ въ этотъ чудный майскій вечеръ. Предчувствую забавный разговоръ, ибо отдѣленъ отъ хозяйкиной спальни лишь досчатой перегородкой.

Зажигаю свѣчу. Чѣмъ бы время занять? Ба! Да тутъ ящикъ, полный книгъ. Пылища... Видно, давно не тревожили спящихъ. Старые учебники, хрестоматія, нѣсколько томовъ „Русской Старины"... Это что? Бумаги, крѣпостные акты, векселя съ незнакомой подписью... А это? Книга съ застежками, въ сафьяновомъ переплетѣ. Альбомъ, что-ли? Люблю смотрѣть на поблѣднѣвшія лица военныхъ и тоненькихъ дѣвицъ съ фижмами. Есть что-то трогательное въ забытыхъ, совершившихъ путь свой, лицахъ.

Нѣтъ, не альбомъ. Книга исписана перомъ, тонкимъ почеркомъ. Да это—дневникъ!

Souvenir de Famille *).

Eudokie Liagawich, née Altinoff.

„17 octobre 17**. Jour de notre mariage (Liagawoe).

5 août 17**. Jour de naissance de notre chère petite Marie (Liagawoe).

11 juin 17**. Triste jour de mort de mon très vénéré père (Mariino).

1 décembre 17**. Jour de naissance de notre fils, Arseny. Que Dieux est bon, de nous l'avoir donné (Moskou, chez ma chére mère).

---

*) **Семейная память.**

Евдокія Лягавыхъ, рожденная Алтыиова.

17 октября 17**. День вѣнчанія нашего (Лягавое).

5 августа 17**. День рожденія малютки нашей Маріи (Лягавое).

11 іюня 17**. День печали, день кончины высокочтимаго моего батюшки (Марьино).

1 декабря 17**. День рожденія сына нашего Арсенія. Сколь неизсякаема благость Господа, пославшаго намъ его (Москва, у дорогой моей матушки).

3 janvier 17**. Triste jour de naissance, et de mort de notre petit Alexis (Liagawoe). C'est dit que dans la famille de mon époux il ne peut être plus d'un garçon. Soit faite la Sainte Volonfé de notre Seigneur.

3 mai 17**. Mon fils Arseny est nommé officier.

1 décembre 18**. Triste jour du plus grand malheur,—la mort de mon epoux adoré. Je n'ai plus que mes deux enfants. Soit faite la Sainte Volonté de notre Seigneur (Liagawoe).

---

3 января 17**. Горестный день рожденія и кончины малютки нашего Алексѣя (Лягавое). Точно сказано, что въ мужниномъ роду двумъ сыновьямъ не бывать. Да будетъ святая воля Создателя нашего.

3 мая 17**. Сынъ мой Арсеній выпущенъ въ офицеры.

1 декабря 18**. Горестный день величайшаго несчастія, — кончина обожаемаго супруга моего. Теперь у меня лишь двое дѣтей. Да будетъ воля Всевышняго нашего Господа (Лягавое).

2 janvier 18**. Jour du mariage de ma fille Marie avec le comte Philippe Salinsky, ambassadeur à Vienne (St.-Petersbourg). Un beau parti.

12 fevrier 18**. Heureux jour de noce de mon fils Arseny avec Elisabeth, fille du général Korsakoff (St.-Petersbourg). Que Dieu benisse ces enfants. Je remets ce livre a ma belle fille, en lui souhaitant le bonheur et l'obéissance—seul charme de la femme.

. . . . . .

Дальше написано по русски.

---

2 января 18**. День вѣнчанія дочери моей Маріи съ графомъ Филиппомъ Салинскимъ, посланникомъ въ городѣ Вѣнѣ (Санктъ-Петербургъ). Отмѣнная партія.

12 февраля 18**. Счастливый день свадьбы сына моего Арсенія съ Елизаветою, дочерью генерала Корсакова (Санктъ-Петербургъ). Да благословитъ Господь дѣтей сихъ. Отнынѣ передаю книгу невѣсткѣ моей съ пожеланіями щастія и послушанія,—единой прелести женской.

2 марта 18...

„Въ двѣнадцатый день февраля мѣсяца 18** года мы вѣнчались въ церкви ...скаго полка. Уже болѣе двухъ недѣль я замужемъ и узнала то, о чемъ съ сестрами не смѣли даже мыслить. Это совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ намекали маменька, и нельзя вообразить себѣ „это“. Жуткое щастье, дни, проходящіе безо времени, когда не помнишь ничего и лишь въ тревогѣ обрѣтаешься, и сладкой и страшной. Любимали, любишь-ли, не имѣю силы сказать... Одно извѣстно — „это“ на всю жизнь. Да, какъ же иначе? Что со мною? Какъ могу допускать подобныя мысли! Возможенъ ли бракъ не на всю жизнь?!

Но я слыхала однажды—графиня Загоздина сказывала маменькѣ: „она оставила мужа и дѣтей“. Какой позоръ! Маменька отвѣчали: „Невозможно слишкомъ осуждать ее, cette femme etait trop malheureuse“.

Я не знаю этой ужасной женщины, но не согласна съ мнѣніемъ маменьки. Столь дерзостный проступокъ невозможно прощать. Я презираю эту даму; она забыла любовь и долгъ, и Господь наказуетъ ее.

Но зачѣмъ пишу о сихъ вещахъ? Зачѣмъ волнуюсь подобными мыслями? Не должно мнѣ и помнить о нихъ.

Моя доля — думать лишь о томъ, какъ возможно болѣе угождать мужу.

Мужъ! Сколь ново писать слово сіе. Нынче я—замужняя дама.

Любезенъ и ласковъ былъ Арсеній со мной, какъ баловалъ... Онъ носилъ меня на рукахъ по горницамъ. Ахъ! Не въ силахъ описать того: диковинно, и сердце замираетъ при подобныхъ сувенирахъ. Онъ уѣхалъ на три мѣсяца въ полкъ. Я дала ему свою думку; онъ сказалъ: „благодарствую, милая дѣтка“. И въ правду—мужъ со мной поступаетъ словно съ малымъ ре-

бенкомъ... не во всѣхъ сужденіяхъ, положимъ...

Мы остались вдвоемъ съ maman. Онѣ добрыя; я успѣла къ нимъ привязаться, а все же лучше, ежели-бы онъ самъ былъ здѣсь. Я стану писать дневникъ, чтобы изъяснить, сколь непрестанно мысли и сердце мое имъ полны...

. . . . . .

Увлеченный милой исповѣдью, пропустилъ разговоръ за перегородкой. Успѣлъ уловить Варинъ крикъ: „Глупости, вздоръ, пустое брешешь, мама".

Хлопнула дверь. Варя несется по корридору, открываетъ каморку, меня зоветъ.

— Пойдемъ на сѣновалъ, скажу...

Тихонько вышли, окольными путями. Любимое мѣсто—сѣновалъ.

Варя сидитъ по турецки, говоритъ быстро:

— Нѣтъ, она совсѣмъ того,—постучала пальцемъ по лбу Варя, — говоритъ: какъ

мать, я должна тебѣ объяснить кое-что передъ свадьбой... Видишь-ли, — и глупо такъ мнется, — иногда мужъ бываетъ немного грубъ, это въ натурѣ у нихъ... Перебиваю: — у мужей? Нѣтъ, — говоритъ, — какъ не понимаешь? у мужчинъ. Я дѣлаю идіотское: а-а-а! Ну, а потомъ куча откровеній... мнѣ стало смѣшно...

И она въ самомъ дѣлѣ смѣется.

— Тебѣ все бы смѣяться...

— А это правда, не до смѣха. Даже представить его мужемъ противно.

— Зачѣмъ же выходишь?

— Затѣмъ, что мнѣ нужны деньги, деньги и деньги... Свободы хочу.

Варя возбужденно смѣялась; близко нагнувшись ко мнѣ, спросила нервно:

— Ревнуешь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ, но не правдиво.

Хотя давно прекратилась наша странная полу-связь, было больно, что завтра

дѣвушка, которую любилъ безумно, станетъ супругой надутаго барона.

— Неправда, ревнуешь, — тихо смѣялась,—но отъ тебя зависитъ... посмѣяться.

Откинулась на сѣно, за голову руки загнула. Въ ней обаяніе смѣлости... Въ глазахъ усмѣшка, полный яркій ротъ чуть улыбается злой улыбкой.

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ...

— Оставь... Предразсудки... Я сегодня опять люблю тебя... Ну, поди сюда.

И я пошелъ... Такъ было всегда. Не могъ устоять противъ наглой прелести этой дѣвушки.

Отъ безумія пробудилъ голосъ брата ея. Звали къ ужину.

Шли къ дому.

Думалось: зачѣмъ? Вѣдь, нѣтъ любви...

И малодушно спросилъ:

— Зачѣмъ это? Вѣдь, не любишь...

Сухо засмѣялась:

— Сегодня ты мнѣ милѣе другихъ...

— Другихъ?

— О, наивность. Неужели мнишь себя единственнымъ?

Скучно ужинъ прошелъ, глупо торжественно, точно не невѣста, покойникъ въ домѣ.

Я радъ былъ, когда разошлись. Хотѣлось себя понять. Трезвому опротивѣло.

Легъ съ тоской въ душѣ, все было мерзко: Варя и нашъ поступокъ, мерзокъ и я самъ. Вдругъ вспомнилъ про сафьяновую книгу... Вотъ другая жизнь! Легъ поудобнѣй, раскрылъ тетрадь на прерванномъ мѣстѣ.

---

7 Марта 18...

„Дни проходятъ тихо и уныло, но не скучаю—помышляю о мужѣ. Онъ въ пути, мой супругъ, взамѣнъ домашнихъ пріятностей испытываетъ неудобства постоялыхъ

дворовъ. Почему не увезъ меня съ собой? Однако, не надобно роптать: грѣшно и неприлично. Стану бродить въ дому, ибо многое въ ономъ доселѣ мнѣ незнакомо. Отнынѣ же домъ мужа—мой домъ.

Мимолетно прошли первые брачные дни. Я ничего разглядѣть не успѣла, но многіе предметы въ сей усадьбѣ возбуждаютъ мое изумленіе. Здѣсь находятся прекрасные портреты военныхъ и весьма красивыхъ особъ, много мраморныхъ, а то и бронзовыхъ фигуръ, и подъ стеклянными колпаками три эмалевыя табакерки, Высочайше пожалованныя отцу и дѣду Арсенія. Нѣтъ также недостатка въ разсужденіи книгъ и прекрасныхъ переплетовъ.

Я нахожу еще развлеченіе въ миніатюрной шкатулкѣ изъ флорентинской мозаики, кою преподнесъ мнѣ супругъ въ залогъ нашего щастія. Она наполнена камнями тончайшей работы, жемчугомъ и прочими пред-

метами женскаго обихода. Выражаясь коротко, должна изъяснить, что все возможное уготовлено для пріятнѣйшаго времяпрепровожденія.

Не забытъ и громадный садъ, дорожки коего, сказалъ Арсеній, расчищены для моихъ маленькихъ ножекъ.

Нынче maman брали меня къ своей кузинѣ Пермской. Эта дама—въ полномъ одиночествѣ отъ родныхъ; однако, окружена дѣвками и всякаго рода приживалками, имѣетъ домашняго музыканта и неисчислимое множество мелкихъ собачекъ. Сколь странная особа!

Въ ту пору, какъ мы стали домой сбираться, она сильно напугала матушку, увѣряя, что въ рощѣ на большой дорогѣ завелся разбойникъ, грабящій проѣзжающихъ. Желая быть любезна, госпожа Пермская предложила намъ провожатаго для вѣрности, очень рослаго человѣка. Maman для види-

мости отказывались, но по истеченіи нѣкотораго времени дали свое согласіе. Коль скоро же было за симъ гайдукомъ послано, выяснилось, что онъ сильно пьянъ, и добудиться его нѣтъ возможности. Пермская сильно покраснѣла при этомъ извѣстіи и приказала покликать старосту.

Явился небольшого роста человѣкъ, весьма растрепанный, съ хитрѣйшими глазами.

Его госпожа, подойдя къ нему, строжайше спросила:

— Лаврентій опять надрызгался?

(Какое выраженіе! Послѣ maman каялись, что брали меня съ собой).

— Пьянъ, ваше превосходительство,—съ великимъ трепетомъ отвѣчалъ староста.

— Что же дѣлать прикажешь?

— Извольте башмачекъ снять,—съ дрожаніемъ произнесъ онъ.

— Дѣвки!—крикнула эта особа.

Я ничего не понимала, но maman, видимо, уже знали, что ожидаетъ нещастнаго; посему оченъ безпокоились, безпрестанно повторяя: — Mais laissez donc, chere Анна Ивановна.

Тѣмъ временемъ прибѣжали дѣвки, изъ коихъ одна разшнуровала ботинку своей госпожи и, стянувъ оную, подала ей.

Пермская, принявъ ботинку въ руки, близко подозвала старосту и изо всѣхъ силъ стала бить оной его по лицу, такъ что кровь брызнула изъ его носа, послѣ чего староста низко поклонился и вышелъ.

Однако, происшествіе закончилось весьма загадочными словами госпожи Пермской: она приказала дѣвкамъ имѣть на готовѣ огуречный разсолъ на случай, ежели Лаврентій, проснувшись, пожелаетъ напиться.

Maman очень прогнѣвались. Онѣ холодно простились и тотчасъ собрались домой. И вправду, неловко расправу чинить въ при-

сутствіи гостей. Мнѣ также та сцена не пришлась по вкусу. У насъ дома учить мужиковъ не возбранялось, однако же—не въ горницахъ, что̀ весьма грубо и непристойно. Батюшка говорить изволили, что невозможно не бить ихъ, ибо балуются, и я вѣрила имъ. Нынче же не хочу и думать. Арсеній никогда воли рукамъ не даетъ, объясняя, что сіе не гуманно и что люди эти, какъ мы, созданы по образу и подобію Божіему. Разумѣется, онъ правъ; къ тому же не для чего мнѣ въ разсужденія входить: мужнина воля для жены—законъ.

. . . . . .

Милая, дорогая Лизочка, какая-же ты славная дѣвочка, даже въ твоихъ жестокихъ правилахъ приличія.

15 Мая 19...

Уѣхали. И слава Тебѣ Господи! Суетолока — точно базаръ. Истерическіе крики, мать и дочь состязались въ нервности, Варя бѣсилась—зачѣмъ тренъ на платьѣ, хотѣла вѣнчаться чуть ли не въ штанахъ. Елена Николаевна вдругъ проявила нѣжнѣйшія чувства, плакалась о томъ, что „ребенокъ ничего не знаетъ". Былъ таинственный разговоръ съ барономъ, женихомъ. Онъ вышелъ изъ будуара тещи съ довольнымъ видомъ. Въ церковь опоздали на три часа; вѣнчались въ сумерки; обѣдъ простылъ; кто-то наступилъ невѣстѣ на платье. Молодые опоздали на поѣздъ. Пришлось имъ ночевать подъ родительскимъ кровомъ. Лягавая уступила свою спальню. Гостей кое-какъ размѣстили, всѣ чувствовали себя неловко передъ отходомъ ко сну.

Каково же было мнѣ! Изъ каморки я долженъ былъ слышать любовный tête à

téte моей любовницы съ молодымъ супругомъ.

Я накрылъ голову подушкой, но сонъ не шелъ. Становилось душно, волей неволей высвободилъ голову.

Сперва молчанье, потомъ шепотъ... Тишина, словно умерли оба... И вотъ явственно слышу сдержанный, но весь какъ-то пропитанный брезгливостью голосъ Вари: „О, Боже... Какой позоръ...“ Ея сухой истерической смѣхъ, — неудержимо, громче и громче... И вдругъ—рыданія.

Я соскочилъ съ постели, шмыгнулъ коридоромъ и выскочилъ въ садъ. Мнѣ показалось будто у дверей спальной стоитъ маленькая фигурка, словно тѣнь... Я не обратилъ вниманія: былъ слишкомъ взволнованъ. Мысли путались, но не понималъ, чего собственно бѣснуюсь. Никакой любви нѣтъ! Отвращеніе ли это, стыдъ ли за Варю или животная ревность оскорбленнаго самца?

Я поклялся уѣхать, порватъ съ безпутнымъ домомъ; многое зналъ еще про нихъ... Хороши и отецъ и мать: у одного гаремъ изъ деревенскихъ дѣвокъ, а та...

До свѣту прошлялся по саду; вернувшись, выглянулъ въ окно. Они уѣзжали. Баронъ надутъ и заспанъ, Варя блѣдна, нервно дергаетъ глазомъ. Давняя привычка, когда разстроена.

Помимо чувства, пусто въ домѣ безъ Вари; она заполняла время и мѣсто неугомонной тормошней.

---

15 марта 18...

„Сегодня къ намъ навѣдались сосѣди. Весьма любезная особа съ двумя дочерьми—невѣстами. Мы пили кофе съ бисквитами у maman въ будуарѣ, а по прошествіи часа, желая что то разсказать Евдокіи Петровнѣ (это матушка мужа моего), гостья знакомъ выслала дочерей въ залу.

Барышни вышли. Я оставалась, думая, что нынче имѣю обо всемъ достаточно серьезное сужденіе, но maman сказали:

— Поди къ нимъ, Лиза.

Не смѣя прекословить, я повиновалась. Однако, внутри себя возмутилась. Ужели не достаточно взрослая женщина, чтобы принимать участіе въ бесѣдахъ пожилыхъ особъ? Вѣдь тайна открылась мнѣ. Вдобавокъ намъ таки пришлось порядкомъ помолчать. Дѣвицы глядѣли на меня съ любопытствомъ, мнѣ же рѣшительно не доставало сюжета для разговора съ ними. Право, куклы не занимаютъ меня болѣе, мои же заботы чужды дѣтскихъ сердецъ.

Хотя не обидѣлась, все же, какъ отъѣхали гости, обратилась съ вопросомъ къ матушкѣ,—для чего онѣ меня выслали?

— Для того, что молодой женщинѣ прилично узнать о нѣкоторыхъ вещахъ лишь отъ мужа.

— Но о чемъ же вы такомъ говорили, maman, я не понимаю?

Maman строго перебили:

— О предметахъ, непонятныхъ для женщины, не рожавшей дѣтей.

Мнѣ стало крайне стыдно своей безтактности, и я просила у maman прощенія. Что бы сказалъ Арсеній на таковую испорченность! Однако, какъ ни трудно будетъ, я въ томъ сознаюсь ему, ибо лживости между супругами не должно быть.

---

17 марта 18...

„Нынче идетъ дождь поперемѣнно съ солнышкомъ. Мнѣ крѣпко гулять захотѣлось, но maman не дозволили. Онѣ выразились: „тебѣ это можетъ быть вреднымъ, Лиза.“

Отчего бы? Я объяснила имъ, что дома во всякую погоду выходила на дворъ, однако maman настоятельно повторили, что

дома—иное дѣло: нынче же прогулка очень можетъ повредить моему здоровью, ежели ноги промочу.

— Я отвѣчаю Сенѣ за тебя,—присовокупили maman.

Сіе удивляетъ и трогаетъ меня. Добрая maman,—какъ онѣ пекутся обо мнѣ.

Мы отобѣдали вдвоемъ. Печально отсутствіе третьяго.

Дворецкій доложилъ, что Марфуша-коровница родила на сѣновалѣ. Maman зашикали на него. Будто мнѣ того услышать нельзя: вѣдь хозяйка я надъ челядью. Положимъ, правда, что не подобаетъ говорить о столь грѣховныхъ предметахъ: она вѣдь не замужемъ. Однако, какимъ же образомъ у нея ребенокъ? Признаюсь, я не совершенно сіе себѣ разъясняю.

А можетъ статься — тайно повѣнчана. Слыхала я, что подобныя происшествія имѣютъ мѣсто въ крестьянскомъ быту,

ежели имъ не дозволяютъ вѣнчаться. Жестоко—разлучать любящія сердца. Но я ни слова не сказывала о томъ матушкѣ; онѣ могли бы прогнѣваться.

Послѣ трапезы удалилась къ себѣ въ горницу и сѣла за пяльцы. Располагаю вышивать мужу футляръ для брегета, весьма цѣннаго, кой мой папенька въ день обрученія нашего ему преподнесъ.

Но не работалось, иголка изъ рукъ валилась, голова стала тяжелая, сердце такъ горько защемило, что я расплакалась.

Вошли maman. Онѣ словно чуютъ, ежели что не ладно. Ласково гладили меня по волосамъ, спрашивали, не болитъ ли что. Но я была здорова.

Maman улыбнулись и говорятъ:

— Не слѣдуетъ безпрестанно плакать, дитя мое. Сіе портитъ цвѣтъ лица и весьма можетъ огорчить мужа. Я съ давнихъ поръ желала говорить съ тобой, милая.

Хотя предметъ сей столь интименъ, но я нѣжно коснусь твоего сердца.

Въ смятеніи спросила.

— О чемъ, матушка, изволите рѣчь вести?

— О слезахъ, Лиза,—отвѣчали онѣ:— ты прости меня, я изъ добрыхъ лишь побужденій. Помнишь ли, какъ вы только пріѣхали, на другое утро я съ прискорбіемъ примѣтила, что глаза твои красны отъ слезъ.

Я поспѣшила закрыть лицо руками, испытывая жгучій стыдъ.

Межъ тѣмъ maman продолжали:

И сіе не одинъ разъ повторялось. Къ чаю ты выходила заплакана. Можетъ статься, нещастлива ты?

Я бросилась къ maman и, укрывъ лицо свое въ ихъ колѣна, увѣряла, что щастлива, но что „это“ такъ стыдно, и отъ стыда—слезы.

Онѣ утѣшали меня, говоря;

— Передъ мужемъ ничто кромѣ лжи не стыдно, Лиза, и сугубыя слезы весьма его опечалить могутъ.

— Онъ не серчалъ, — отвѣчала я едва слышно.

— Разумѣется. Впервые—мужу все любезно... Однако, ты это оставь, дабы не думалъ, что ласки его приводятъ тебя въ меланхолію.

— О, въ такомъ случаѣ обѣщаю вамъ болѣе не плакать.—Но, говорите вы,—вначалѣ? Можетъ ли быть, что послѣ Арсеній убавитъ нѣжности?

— О, нѣтъ, напротивъ, чувства упрочняются, но станутъ болѣе покойны, У тебя будутъ дѣти, онъ станетъ любить тебя, какъ мать своихъ дѣтей...

— У меня не будетъ дѣтей, я въ томъ увѣрена,—перебила я матушку.

Онѣ же разсмѣялись:

— Пустое, дѣтка. Господь пошлетъ мнѣ внуковъ, и даже не въ столь далекомъ будущемъ. Ну, а теперь вытри глазки, обѣщай отвыкнуть отъ излишняго пролитія слезъ.

Maman вышли, оставивъ меня смущенной въ глубинѣ души. Въ словахъ ихъ проступала загадка, словно пережитое горе! Ужели въ бракѣ есть еще тайна, мнѣ незнакомая, ужели и мнѣ судьбой уготовано страдать? Нѣтъ, сего быть не должно!

Подъ вечеръ катались въ аллеѣ и вкругъ рощи. Было отрадно и тихо, мы дышали весеннимъ ароматомъ, исходящимъ отъ мокрой земли. Въ поляхъ таялъ послѣдній грязный снѣгъ, и чувствованія мои говорили, что Господь, будучи надъ нами, десницей своей благословляетъ насъ. Встрѣчные привѣтливо кланялись и лошади грузно и дѣловито шлепали по жидкой дорогѣ, тогда какъ заходящее солнце щедро золо-

тило лужи и всю пробуждающуюся натуру. Сердце мое исполнилось восторгомъ, я схватила руку maman и вскричала:

— Я щастлива, я такъ щастлива!

Улыбаясь, maman отвѣчали:

— Я весьма за тебя радуюсь. Однако, привыкай сдерживать порывы души, не слѣдуетъ быть столь экспансивной. Я, разумѣется, всегда пойму тебя. Но излишняя простота вредитъ во мнѣніи общества и подчиненныхъ, — прибавили maman по французски.

— Но Арсеній, онъ тоже пойметъ?

— На сію тему поговоримъ въ другой разъ. Большое несогласіе есть въ разсужденіи матери и супруга.

Снова — тайна. Благодаря симъ послѣднимъ словамъ восторгъ въ сердцѣ моемъ уступилъ мѣсто тихой тревогѣ. Словно бы утверждая сомнѣніе, спрятались послѣдніе лучи солнца и все вокругъ приняло призрачно сѣрый оттѣнокъ.

Послѣ мы ужинали. Maman разложили пасьянсъ, я же читала имъ вслухъ. Вотъ каково наше времяпрепровожденіе.

---

27 Мая 19...

Что за очаровательная дѣвушка Лиза! Не могу назвать ее женщиной. Радъ, что нашелъ тетрадь. Это цѣльная живая душа, далекая нравомъ и близкая этому дому. Вѣрно, прабабка какая-нибудь. Мнѣ кажется, она должна умереть въ чахоткѣ или тихо увянуть, испуганная жизнью. Вижу женственный образъ бѣлокурой Лизы, съ темносиними удивленными очами, чистый, чистый, какъ проточное озеро въ ясную погоду. Она, вѣрно, носила не слишкомъ пышный кринолинъ и лифъ съ открытой шеей. И что за контрастъ между ея обнаженной грудью и Варинымъ, нагло въ обтяжку одѣтымъ бюстомъ. Какая разница въ

движеніяхъ! Эта — рѣзко топочетъ американскими сапогами, Лиза—легко ступаетъ на острыхъ, какъ иголки, каблучкахъ. Голосъ у нея мягкій, она словно подъ сурдинку молвитъ свои скромныя слова.

Ахъ, Лиза, отчего не теперь живешь! Свѣтила бы, какъ лампада, въ нашей темной, безпутной жизни. Впрочемъ, пусть до тебя не коснется никакая грязь, оставайся дымкой, легкой тѣнью воспоминанья. Боже Правый! Да, она жила въ этомъ домѣ, ходила здѣсь, прикасалась тонкими пальчиками къ вещамъ, которыя мы трогаемъ каждый день. Открытіе поразило меня—я не могъ оставаться въ домѣ; пошелъ въ садъ. И тамъ преслѣдовалъ образъ Лизы; она бѣгала по этимъ дорожкамъ, встряхивала золотистой головкой. Бѣгала, пока не являлась maman, строго призывая къ порядку.

Вотъ, кого любить могу беззавѣтно, лю-

бить хрупкое тѣло и хрупкую душу невинной Лизы.

Я поймалъ себя на опредѣленной ревности къ счастливому супругу. Вѣдь, этотъ безличный офицеръ обладалъ небеснымъ ангеломъ. Почему не мнѣ дана эта радость?

Желая стряхнуть съ себя бредъ, вышелъ на деревню, сталъ бродить по безпорядочно разбросаннымъ улицамъ. Въ селѣ тихо: всѣ на поляхъ.

Встрѣтилъ Петра Иванова, — усадебный машинистъ, онъ же столяръ и слесарь. Развинченный старикъ, на одно ухо глухой, отлично знающій свое дѣло въ границахъ того, что дѣлали сорокъ лѣтъ назадъ. Не дай Богъ показать ему новую машину — сплюнетъ, перекрестится. Впрочемъ, въ этомъ похожъ на хозяина. Лягавый, яро занявшись хозяйствомъ въ молодости, накупилъ всевозможныхъ новѣйшихъ орудій; неумѣлыя руки ихъ перепортили, лошади

не въ силахъ были управиться. Лягавый продалъ желѣзо на ломъ и теперь питаетъ истинную ненависть ко всему новому. Его громадныя земли ковыряютъ наемныя сохи, хозяйство изъ года въ годъ трещитъ сильнѣе. Еще нѣсколько лѣтъ—Лягавое умретъ отъ худосочія.

Петръ Ивановъ разговорчивъ, любитъ на судьбу пенять.

— Старый, куда спѣшишь?

— А вотъ, батюшка, корытце для поросенковъ справить. Барыня приказывали, чтобъ скорѣй.

— Вѣчно торопишься. И дѣтей народить поспѣшилъ, теперь маешься. Сколько ихъ у тебя, дюжины три?

— Осьмнадцать всего было, теперь шестеро въ живыхъ. Ужъ и не говори, баринъ,— чистое наказаніе. Намедни, батюшка, такое было, что и сказать совѣстно...

— Ну, мнѣ то можно. Авось, не разболтаю...

— Чаво болтать! Безъ тваво сказу все село знаетъ. Невѣстка старшонькая, горе мое, до того нализалась: въ безпамятствѣ на навозъ свалилась. Хоша-бы возлѣ двора: нѣтъ, на другой конецъ пошла, окаянная, срамиться. Мужикъ то нашелъ, да съ малыми несетъ... А какъ до двора далече, онъ къ куму Митрофану Ѳедотычу,—лавочникъ, знаешь, небось? Еще надысь маленька барышня за бантомъ Ѳеклушку спосылала, да бантовъ не оказалось... Да... Ну, онъ къ нему-то и зайди. Кумъ говоритъ, а, кумъ, дозволь жану положить, пусть де проспится. Ну, Митрофанъ—мужикъ хорошій, говоритъ: что-жъ. Бабу до времени въ сѣнцахъ оставилъ, малымъ велѣлъ поберечь отъ собаки али свиньи. Чтобы человѣку сочувствіе оказать, а они кобели, что задумали: взяли да подпалили ее.

— Какъ подпалили!?

— Нешто по хорошему! Ужъ даже и сказать срамно...

— Ммда...—отвѣтилъ я. И что оставалось мнѣ еще дѣлать? Изумляться?

Нѣтъ. Не впервые слышу я о подвигахъ деморализованныхъ обитателей села Лягаваго.

Вернувшись, сѣлъ въ гостиной, но, правду сказать, не находилъ себѣ ни мѣста ни дѣла. Мой ученикъ Сеня не пріѣзжалъ, телеграфируя ежедневно:—задержался. Леша не нуждался въ ученьи. Усердный мальчикъ, мало общительный, надежда семьи Ужъ очень онъ себѣ на умѣ, ни на кого не похожъ. Что называется — ни въ мать, ни въ отца... По всей вѣроятности—въ дѣда съ материнской стороны. Тотъ былъ настоящій кулакъ, съ несокрушимой волей, только дѣтей своихъ не сумѣлъ вывести въ люди. Женясь на болѣзненной дѣвушкѣ изъ дворянской семьи, народилъ дѣтей боль-

ныхъ. Кто спился, кто въ чахоткѣ умеръ, и разметалось отцовское состояніе. Осталась одна Лягавая, жена патрона моего, но и ея приданое давно растаяло.

Взялъ книгу, читая въ сущности одними глазами: невольно слушалъ, какъ въ столовой рядомъ сама распекала коровницу.

— Самый лучшій мѣсяцъ, а все молока нѣтъ. Посмотри, у дьяконицы одна корова, и масло продаютъ. Я тебѣ говорю, коровы должны прибавить.

— И прибавили, Елена Миколавна, — распѣвала коровница: — да что дѣлать то, всѣ молока просятъ. На птичну — молока, пастуху цѣльный чайникъ... Намедни Арсеній Сергѣичъ ругались, чтобъ поросенкамъ молока давать... Я съ своихъ грудей не выжму.

— Молчи, поганая, — взвизгнула Лягавая,—что ты мнѣ гадости говоришь! Вотъ

выгоню тебя съ приплодомъ. Кто съ ребятами возьметъ?

— И возьмутъ; я у Кариновичей, три года служила, — поварихою, и при коровахъ, и птичну водила...

— Что ты мнѣ про Кариновичей толкуешь, тамъ и не такую дрянь держатъ... Однако, и оттуда прогнали...

— Не прогнали, а сама ушла.

— Отчего же ушла?

Ѳедосья оживилась, затараторила:

— А черезъ этотъ палецъ ушла, ей Богу, Елена Миколавна, черезъ этотъ палецъ. А то служила, хоть барыня сердитыя, а три года держалась. Да... Одинъ разъ, это на Казанскую, али на Покровъ, тогда еще у самаго болѣсть приключилась — ну да, въ самую Казанскую... Самому велѣно—бульонъ чистый, и котлеты валяйныя потреблять. Да... Готовлю это, а сама все досылаетъ: живѣй, молъ, у барина пустота по

желудкамъ ходитъ. И безъ того торопишься, а что хошь—дрова не горятъ,—лѣта сырая была, страсть. Да. Ну, онѣ сами прибѣгли, сзади этакъ, да вразъ по мордѣ, по мордѣ. Я это за кастрюльку ухватилась—съ огня стащить, а онъ то въ норочку и застрялъ. Да. Горячо, жжетъ... Я держу, кастрюлька и опрокинься, палецъ то скривился. А кастрюльки у нихъ тяжеленныя—самой приданое. Да. Ну, палецъ пухнуть, что ни день—пуще... Ну, онѣ и говорятъ: ты, Ѳедосья, говорятъ, съ своимъ пальцемъ служить не можешь... Я и ушла: черезъ одинъ этотъ палецъ... Вотъ, поглядите, и по сейчасъ кривой. А дѣти — что! Кому они мѣшаютъ...

— И зачѣмъ ихъ столько, задумчиво молвила Лягавая, уже смягченная.

— Нечто нарочно! Я удова... Перванькой—мужнинъ, по закону значитъ, а другіе то,—смѣется,—барыня, сами лѣзутъ. Безъ

ефтаго развѣ проживешь? Да. Двоихъ-то по обману: за себя взять обѣщалъ... А Толька, меньшой, во какъ: оставалась это я въ дому одна, господа уѣзжали. А я—во какая была, кругомъ не обхватишь. Ну, сижу это я по вечеру, а приказчикъ и прійди. Ты, говоритъ, Ѳедосья, чай пьешь? Да, говорю, пью... А мнѣ, говоритъ, нальешь? Чтожъ, пей, нешто жалко. Да. Ну, чаю это попили, ему уходить время. А онъ — приставать... Я выть, а онъ свое знай, смѣется... Вотъ, Натолія и принесла... ей Богу, барыня.

— Неужели безъ этого и обойтись нельзя?

— Сами знаете, барыня, какъ обойтись то.

Отвѣтъ звучалъ чистосердечно.

— Да, наконецъ, есть средства, — уже пріятельски замѣтила барыня.

— Охъ, и скажите же, барыня!—Ѳедосья звонко расхохоталась:—Это, можетъ, вамъ, господамъ, сподручно, а намъ... Ку-уда!

Мнѣ въ ротъ влетѣла мошка, я поперхнулся, закашлялъ. Лягавая не знала, что слушаютъ ея бесѣду: она любила эти разговоры, но стыдилась и скрывала.

Мигомъ тонъ ея измѣнился:

— Довольно болтать, — строго сказала она: — я и такъ лишняго наслушалась. Вамъ помочь рады, а вы ничего, кромѣ свинства. Ступай и чтобы коровы прибавили.

Черезъ гостиную прошла красная, преувеличенно-оживленно бросила:

— Ужъ это хозяйство, эти бабы!

Получилъ письмо отъ Вари. Восторженно описываетъ Лондонъ и красавца мэтръ-д'отеля. О мужѣ—ни слова.

---

30 мая 19...

Во время ужина къ крыльцу подъѣхала коляска. Всѣ наморщились: лѣнь было занимать гостей.

Самъ сердито бросилъ салфетку, пробурчавъ: — поѣсть не дадутъ, и ушелъ къ себѣ.

Вошелъ Арсеній—мой ученикъ. За нимъ еще какая-то фигура. Сеню окружили, стали спрашивать, отчего опоздалъ.

Онъ мялся, снялъ шинель, показалъ руку на перевязкѣ.

— Что такое?

— Упалъ съ лошади, немного оцарапалъ.

— Не опасно?

— Пустое. Но, мама, со мною товарищъ...

Это былъ небольшого роста человѣкъ съ ярко-рыжими волосами. Онъ щурилъ глаза, заплетаясь въ какой-то нелѣпой накидкѣ.

— Лабиновъ! какъ то съ удовольствіемъ вздохнула мать: я очень рада.

Послѣ обычныхъ привѣтствій Сеню упрекнули, что не былъ на сестриной свадьбѣ.

— Ахъ, мамочка, что я потерялъ,—отвѣтилъ онъ, слегка картавя: — достаточно

знаю Варю, чтобы представить, какъ безобразна она въ подвѣнечномъ платьѣ.

— Ну, все же свадьба, — вставилъ я, чтобы что-нибудь сказать.

Лабиновъ не проронилъ ни слова; онъ лишь украдкой посматривалъ на хозяйку. будто конфузясь. Потомъ пріятели ушли къ себѣ, сказавъ, что устали. Ужинъ просили въ комнату.

Арсеній красивъ. Ему двадцать два года, но онъ—лѣнтяй, не желаетъ кончать лицея. По традиціи Лягавые идутъ въ военную службу. Леша отказался. Сеню долженъ я готовить въ юнкерское училище.

Строенъ, но держится сутуло — похожъ на Варю. Оба они черноволосы, у обоихъ рѣдко-темные глаза съ поволокой, полныя, очень яркія губы. Но Сеня красивѣй, черты его лица мягче, Варя — вся заостренная. Ей это идетъ, въ этомъ особая прелесть, но иногда Варя выглядитъ вульгарно.

Чтобы смягчить рѣзкость лица, одѣвается всегда въ темное. Арсеній ходитъ развинченно, и въ этой походкѣ есть что-то царственное; словно послѣдній изъ Валуа несетъ вѣковые пороки ко гробу. Видъ всегда утомленный. Онъ остроуменъ и совершенно неспособенъ къ труду.

Арсеній богатъ и независимъ. Его дядя, Семенъ Николаевичъ, умеръ въ чахоткѣ не успѣвъ растратить отцовскаго состоянія, и все завѣщалъ племяннику. Особенно любилъ его; разсказываютъ, что не разъ повторялъ: „люблю за то, что не въ мать—сестрицу. Баринъ истинный—пусть попользуется".

И онъ пользуется...

Мы продолжали ужинъ.

Кто-то вспомнилъ про хозяина. Послали сказать, что пріѣхалъ Сеня съ товарищемъ.

Лакей, вернувшись, доложилъ.

— Баринъ приказали имъ убраться въ болото.

— Ты бы могъ не говорить этого, а просто сказать—баринъ не выйдутъ,—сердито замѣтила Лягавая.

— Баринъ сказали: такъ и скажи.

— Идіотъ! Давай пирожное.

Чудакъ — Лягавый. По всему баринъ, сохранившій внѣшнія привычки его. Одѣтъ по модѣ семидесятыхъ годовъ, въ поле ѣздитъ въ перчаткахъ, великолѣпно шаркаетъ ножкой, по старинному. Ругается же отчаянно: я никогда не слышалъ столь искуснаго сквернословія. Бранитъ Лешу, зачѣмъ тотъ въ комнатахъ плюетъ, а самъ безцеремонно щиплетъ горничныхъ на глазахъ у всѣхъ. Ненавидя деревню, живетъ въ ней круглый годъ только потому, что десять лѣтъ назадъ городская квартира ему не понравилась. Впрочемъ, не довѣряю этой версіи... Думаю,

ему скорѣй докучаетъ жена — радъ прожить зиму одинъ. А за границу не ѣздитъ потому, что туда—„прутъ жиды“. Кажется, думаетъ этимъ всѣ европейскія державы наказать. Мужиковъ хамами бранитъ и съ ними же отъ скуки пьетъ водку.

Не имѣя возможности покупать дорогія вещи, но считая своимъ долгомъ пополнять коллекцію бездѣлокъ, составленную предками, накупилъ уйму лубочныхъ картинокъ и ими увѣшалъ свой кабинетъ.

Дѣти его раздражаютъ, самъ онъ имъ непонятенъ, съ женой бранится или молчитъ недѣлями. Арсеній во многомъ его напоминаетъ, должно быть потому и не любятъ они другъ друга.

Попозже зашелъ къ Арсенію. Они курили сигары, лѣниво развалясь въ креслахъ. Лабиновъ въ смокингѣ, Сеня въ бархатномъ халатѣ.

Я выразилъ изумленіе.

— Зачѣмъ такой парадъ?

— Я энглизируюсь,—спокойно отвѣчалъ Лабиновъ.

Оставалось только плечами пожать.

Разговорились. Молодые люди развивали теорію о преимуществахъ русской души, способной мѣняться, какъ хамелеонъ. Въ гостиной, молъ, она—француженка, въ разгулѣ—славянка, энглизируется за обѣдомъ.

— И рыцарь на полѣ брани,—промолвилъ насмѣшливо Лабиновъ, глядя на товарища.

— Кстати, — спросилъ я, — что это за ушибъ руки?

— Вздоръ, — отвѣчалъ Арсеній, — царапина.

— Вы говорите, будто про оружіе...

— Ну, да, вамъ могу сознаться. Дрался за женщину.

— Онъ защищалъ честь цыганки,—вставилъ Лабиновъ пренебрежительно.

Арсеній вспылилъ:

— Да, цыганки. Развѣ она не женщина только потому, что поетъ въ хорѣ? По мнѣ, эти созданія во сто разъ лучше вашихъ порядочныхъ женщинъ.

— Цыганки,—дразнилъ Лабиновъ.

— Цыганки, цыганки! Очаровательное племя, въ немъ бездна благородства.

— Разскажите, въ чемъ дѣло.

— Обыкновенная исторія. Какой-то нахалъ оскорбилъ ее, я вызвалъ.

— Рисковать изъ-за случайной женщины?..

— Если я веду подъ руку хотя бы публичную женщину, ее должны уважать, какъ герцогиню. Я проучилъ за себя.

— Собственно, вы правы. Это красиво.

— Ради Бога, не говорите нашимъ,— просилъ Арсеній, пожимая мнѣ руку:—Я цѣню въ васъ это признаніе прежде всего— красоты.

Поболтали еще.

Лабиновъ зѣвнулъ.

— Ага, вы зѣвнули!

Я торжествовалъ.

— Ну, такъ что-жъ?

— Я убѣжденъ, что англичане не зѣваютъ въ обществѣ.

Онъ презрительно пожалъ плечами, вѣроятно подумавъ, что я—не общество.

Арсеній добродушно разсмѣялся:

— О его подвигѣ вы тоже не говорите.

Я люблю Арсенія, хотя онъ полонъ недостатковъ. У Вари, впрочемъ, еще меньше достоинствъ, однако, дѣвушку любилъ безумно. Да, кто знаетъ, откуда любовь!

Вотъ, Леша—отличный мальчикъ, а мнѣ не милъ. Я убѣжденъ, безъ основаній положимъ, что современемъ онъ надѣлаетъ подлостей. А эти двое—распущенные, извращенные люди такъ много зла творятъ себѣ, что едва-ли хватитъ силъ на другихъ.

И почему все это такъ волнуетъ меня? Я—посторонній человѣкъ, репетиторъ, случайный любовникъ, уѣду и, можетъ, никогда не встрѣчусь. Глупо... Не хочу о нихъ больше думать.

Иди сюда, милое видѣніе прошлаго, моя чистая любовь, маленькая Лиза.

---

25 Марта 18...

„Сколь долго не открывала тебя, милая тетрадка! Но не означаетъ сіе, что позабыла подругу печальнаго одиночества. Да, послѣдніе дни весьма меня томитъ состояніе здоровья моего. Не было такого раза, чтобы я дома болѣла, нынче же все не такъ здоровится. Отчего бы? Вѣрно, отъ тоски по мужу. Maman не велятъ скучать; однако, сердцу не прикажешь. Все думается, при чемъ находится въ дальней столицѣ, все ли веселитъ его, а подчасъ (стыдно

сознаться, но ты не выдашь, молчаливая подруга), подчасъ тоскую по ласкамъ его. Бываетъ, ночью пробуждаюсь, свѣтитъ лампада, уютъ въ опочивальнѣ, но мнѣ тошно, не по себѣ, одиноко такъ сердце ноетъ, подступаютъ слезы... А то въ жаръ кинетъ, пылаю, и душа въ превеликой меланхоліи. Такъ бы прижалась къ нему въ страхѣ и сладости. Взгляну на пустыя подушки и зарыдаю. А то молиться стану, крѣпко молюсь,—но не даетъ успокоенія молитва: къ нему летятъ грезы... Стукъ въ вискахъ, лицо горитъ... Никогда подобнаго со мной не бывало, видно—въ бракѣ человѣкъ мѣняется.

Такъ и есть!

Было вовсе поправилась, анъ тошнота со мной вновь началась. Не имѣю возможности болѣе писать.

---

26 Марта 18...

„Цѣльный часъ вчерась maman, бѣдняжка, со мной провозилась. Совершенно дурно стало: какъ бросила писать, лишь успѣла дѣвушку кликнуть, рвота пошла. Срамъ какой! Всю горницу замарала—ужъ послѣ дѣвки мыли, мыли. Рвота не отпускала съ полъ-часа. А вѣдь едва что съѣла нынче поутру. Страшно мнѣ въ разсужденіи того, не болѣзнь ли какая со мной начинается. Просила матушку въ губернію за лѣкаремъ спосылать, однако, онѣ только улыбаются... Голову потрогали, говорятъ: „никакого горѣнія съ тобой нѣтъ, просто что-нибудь съѣла... вотъ скажу повару, вѣрно, масло прогоркло". А сами все улыбаются, смѣются, вѣрно, что столь мнительна я. И въ правду, чуть что — сейчасъ пугаюсь. Я дала maman обѣщаніе тошноту сдерживать, онѣ же снова смѣются:—не надо,

говорятъ, Лизочка. Вотъ, мятныхъ капель выпей, да полежи.

Отъ микстуры мнѣ полегчало. Тогда maman велѣли походить. Онѣ теперь разсудили прогулку полезной. Не пойму я—то вредъ, то польза. Вѣрно, хвораю отъ пущей заботы.

По приказанію maman ходила по цвѣтнику передъ ихъ окнами, и хотя день былъ весьма теплый, однако, мнѣ обули мѣховые сапожки. Право, невозможно мнѣ столь нѣжиться: жарко стало и тяжело, даже испарина пошла.

Я увидала бабочку, первую весеннюю бабочку, и побѣжала за ней. Только лишь побѣжала изловить ее, какъ maman изъ окна кричатъ: не бѣгай, Лиза, сіе вредно тебѣ.

Снова вредно! Я душевно привязалась къ матушкѣ, но онѣ дохнуть не даютъ попеченіемъ. Арсеній вволю мнѣ бѣгать дозволялъ. Я заперлась въ горницѣ, долго

плакала, потомъ, сама не знаю какъ, заснула.

---

27 Марта 18...

„Теперь я знаю все! Боже мой! За что посылаешь мнѣ столь огромное счастье. Сколь долженствую отнынѣ старанія приложить къ улучшенію нрава и характера.

Я шопотомъ говорю тебѣ, тетрадь моя, ибо святы слова мои.

Во мнѣ двѣ жизни!

Я подъ сердцемъ ношу ребенка Арсенія, нашего ребенка!..

И какъ сама не догадалась.

Давеча, въ обѣдъ, стала стулъ придвигать, но maman, — онѣ за каждымъ моимъ поступкомъ слѣдятъ,—вскрикнули: Лиза, не тронь стула, вредно.

И велѣли дворецкому стулъ поставить.

Признаюсь, на сей разъ, я даже осерчала.

Снова вредно? Нынче ужъ, словно кукла

безъ движенія сиди. Весь обѣдъ пребезсовѣстно на матушку дулась; когда же мы на балконъ съ работой усѣлись, стало мнѣ столь обидно, къ родной маменькѣ захотѣлось. Словно въ тюрьмѣ...

Но вижу, сколь великъ былъ грѣхъ— роптать не понимая. Я расплакалась, и тотчасъ maman къ себѣ подозвали.

Хотя серчала, но подошла; онѣ усадили меня возлѣ своихъ креселъ.

— Вижу, — говорятъ, — Лиза, ты недовольна, и о причинѣ сего догадываюсь. На меня досадуешь, что воли не даю. Ну, погоди, разъясню тебѣ. До сей поры не была въ томъ увѣрена, однако, вижу, не ошиблась въ расчетѣ. Тебѣ неможется, все рвота одолѣваетъ, сонливость... Знаешь ли, отчего?

— Нѣтъ,—отвѣчала имъ:—не знаю...

Однако, почему-то крѣпко застыдилась.

— Это, — говорятъ, — означаетъ, что у

тебя подъ сердцемъ зародилась крохотная жизнь.

Мнѣ жутко стало, вскрикнула.

— Глупая, чего ты? Это ребенокъ, твой и Арсенія... Понимаешь, Лиза, ты брюката, и по прошествіи девяти мѣсяцевъ принесешь мнѣ внука.

— Откуда, maman?—спросила я въ смятеніи.

Онѣ засмѣялись и, указывая на мой животъ, промолвили:—вотъ отсюда.

— Какъ же это?

— Ну, о томъ ты своевременно узнаешь.

— Maman, но почему же сіе случилось?

— Отъ любви вашей, Лиза, отъ таинства брака. То самое счастье и стыдъ, что извергали слезы изъ глазъ твоихъ, скрѣпили союзъ вашъ младенцемъ.

Вотъ, когда поняла все, и впервые не стало стыдно и не убоялась мыслить о сихъ вещахъ, не опуская глазъ. Въ сердце мое

вошло разумѣніе, что нынѣ лишь до женщины возросла, ежели толикая радость дана мнѣ свыше — стать матерью.

Сколь полна тайны чудесной любовь. Она насъ долгу научаетъ, открывая недостойному взору небесную радость. Нынѣ передъ Богомъ и людьми отвѣтствую за новую жизнь. Напередъ знаю, что денно и нощно стану умножать въ себѣ душевныя качества. Просила maman простить мое дурное поведеніе, но онѣ и не гнѣвались вовсе.

Мы пили чай на балконѣ, бесѣдуя о различныхъ предметахъ, лишь намъ двоимъ понятныхъ, про Арсенія и его характеръ. За симъ maman пошли къ вечернѣ, а мнѣ велѣли дома оставаться. Онѣ, смѣясь, сказали, что вредно мнѣ стоять у вечерни. Но я ничуть обиды не испытала: сіе запрещеніе было мнѣ столь сладко! Удаляясь, maman кивнули: —не скучай.

— Нѣтъ, maman, — отвѣчала я весьма лукаво,—я буду мыслить о „его“ отцѣ!

Оставалась на балконѣ, дожидаясь матушки. Солнце изливало нѣжнѣйшіе лучи заката, трепетала первая зелень весны, радуясь молодой жизни, и сердце трепетало въ отвѣтъ пробужденію натуры. Вся душа раскрывалась, желая повѣрить солнцу и воздуху новое безграничное счастье... Я впервые до глубины вникала въ голосъ натуры, не такъ, какъ въ дѣвушкахъ, когда, лишенная разумѣнія, веселилась, бѣгая по лужайкамъ. Но понимала то, что поетъ вѣтерокъ, и съ порхающими среди вѣтвей пташками внимала величію Господа“.

---

13 мая 19...

Разсвѣло. Какъ будто тѣ же облака, что для Лизы золотилъ закатъ, мнѣ простирали алыя крылья свои для лобзанія. Природа

была залита утреннимъ свѣтомъ. Я положилъ тетрадь, думая и не мысля...

Иная жизнь открывалась и мнѣ.

Ты будешь матерью... Ты сумѣла въ этомъ мигѣ земной радости найти Бога въ душѣ своей. И во мнѣ шевельнулось сознаніе Бога, когда увидѣлъ твою чистую душу, счастливая жена. Вотъ, чего искалъ и чего не достаетъ намъ въ порывахъ страсти, плотской и торопливой, между дѣлами. Знаешь-ли, Лиза, что драгоцѣнна мнѣ, открывая простыми словами нерасцвѣтшіе уголки сознанья моего?.. Узнавъ тебя и дѣтски мудрыя грезы твои, готовъ стать лучше. Ты, маленькая женщина, говоришь о долгѣ и заставляешь краснѣть меня, стараго студента, коего жизнь трепала много и долго.

Ну, не свинство-ли происшествіе съ Варей? Ни стыда, ни порядочности. Бравада, скотское влеченіе. И на тѣхъ самыхъ мѣ-

стахъ, гдѣ Лиза, воплощеніе истинной женщины, призывала Создателя на вѣкъ благословить союзъ свой!

Нѣтъ, довольно! Кончено. Отнынѣ руководи мною, бѣлокурая! Пусть книга души твоей служитъ мнѣ закономъ, ибо порочный духъ невѣрья не способенъ безъ помощи проникнуть Божественныя тайны. За тобой пойду и, коли прикажешь,—готовъ на подвигъ.

Затѣмъ посмотрѣлъ въ зеркало: гожусь ли въ рыцари Елизаветы?

Ахъ, старый фантазеръ. Ну, куда въ храмъ полѣзъ, съ рыломъ сатира!

Посмотри хорошенько, внимательно.

Геройскій ли это лобъ? На челѣ твоемъ слишкомъ много морщинъ, волосы твои рѣдки и... сѣды.

А это что за блескъ въ глазахъ? Святой восторгъ? Неужто! Что то мнѣ онъ знакомъ, будто очень смахиваетъ на огонекъ,

что видѣлъ однажды въ глазахъ нѣкоего старца въ домѣ умалишенныхъ.

А губы? Сухія и жадныя и... пресыщенныя... Онѣ то будутъ цѣловать бѣлую ручку твоей героини!

Оставь, оставь, безумецъ, грезы, не достоинъ ты лобызать и подолъ ея кринолина.

---

5 апрѣля 18...

„Нынче страстной четвергъ. Всѣ въ дому говѣютъ, не исключая и maman. Лишь старая ключница Марѳа, да моя приданная дѣвушка на четвертой ужъ отговѣли, чтобы мнѣ въ дому одной не быть. Сколь хитра матушкина заботливость: онѣ ранѣе сей планъ подготовили, ничего мнѣ о томъ не сказавъ. Чѣмъ отблагодарю ихъ за любезное попеченіе? Послушаніемъ и скромностью: maman почитаютъ первыми сіи добродѣтели.

Матушка весьма, весьма высокая жен-

щина, онѣ множество понятій обо всемъ имѣютъ и поступаютъ неизмѣнно правильно. Никогда не слыхала, чтобы онѣ бранились. Ласково лишь выговариваютъ, всѣмъ равно, тихо и внушительно, и ихъ невозможно ослушаться. Смогу ли я со временемъ походить на maman? Пріятна столь достойная старость. Нѣтъ, надобно силы къ тому направлять; однако, не слѣдуетъ преувеличенно мечтать о себѣ. Мнѣ не подняться до толикаго совершенства природныхъ качествъ, у меня случаются грѣховныя побужденія. Порой я гораздо пылаю: maman говорятъ—нездорова моя тоска по мужу, женщинѣ въ моемъ, молъ, положеніи, долженствуетъ забыть о подобныхъ предметахъ, всецѣло предаваясь мыслямъ о будущемъ ребенкѣ.

Но думая о немъ часто и радуясь сей маленькой жизни, все же не могу еще любить невѣдомаго младенца, ибо не въ си-

лахъ изобразить себѣ видъ его. А порой (стыдно признаться) думается — зачѣмъ столь скоро! Всего лишь двѣ недѣли счастья, едва успѣла пріоткрыть завѣсу любви, какъ опустилась она надъ уѣзжающимъ мужемъ. Одна и больная, въ тяжести. Однако, наружностью еще нисколько не измѣнилась, развѣ чуточку блѣднѣй и глаза мои, ежели въ зеркало гляжусь, кажутся больше и блестящей, но никакой полноты незамѣтно. Еще могла бы мужа увлекать и отвѣтствовать на ласки его. Духъ занимается и по спинѣ словно бы змѣйка бѣжитъ, коли воспоминанія сего станутъ осаждать меня.

Наперво страхъ и стыдъ; болѣе даже того — чувствія безъисходныя: кажется, лучше бы сквозь землю провалилась. Самомалѣйшее руки его прикосновеніе стыдомъ жжетъ и будто даже возмущаетъ дѣвичью гордость.

Мы оставались наединѣ въ большой опочивальнѣ. Откушавъ съ нами въ день прибытія, maman перекрестили каждаго поочередно и ушли къ себѣ. Я ихъ совсѣмъ не знала и столь же Арсенія. Мы повстрѣчались на балѣ въ Рождество; онъ много меня на танцы приглашалъ и къ ужину повелъ. Я чуточку боялась сильной фигуры, но глаза его смотрѣли ласково, говорилъ онъ тихо и уважительно, отъ чего пріятность испытывала. Послѣ того сталъ ѣздить въ домъ и неизмѣнно возилъ мнѣ конфекты. Однако, въ тѣ поры немного на него насмотрѣлась. При немъ пребывала, глазъ не поднимая, молча, и духъ занимался—знало вѣщее сердце, что суженый онъ. А черезъ мѣсяцъ Арсеній сдѣлалъ декларацію, и какъ успѣли приданое пошить, такъ повѣнчали насъ... Онъ же мнѣ все не былъ знакомъ.

Любила ли тогда, не знаю, но было жутко и хорошо въ одно и то-же время.

Повѣнчавшись, поздравленія принявши, немедля въ карету сѣли, да въ путь. Шесть сутокъ ѣхали на перекладныхъ, безъ отдыха, словно на пожаръ. Я то дремала, сидя въ уголку кареты, то въ окно глядѣла иль слушала рѣчи его, не понимая словъ. Грустно было безъ маменьки, жутко посереди поля вдвоемъ съ этимъ красивымъ, чужимъ человѣкомъ. Онъ вовсе не похожъ на братьевъ и кузеновъ, что ѣздили въ Тверское. Тѣ веселые, мы играли вмѣстѣ, хохоту сколько было. Они говорили понятныя вещи. Арсеній — иной. Онъ хотя изъясняется красиво, но смѣшного не говоритъ, и ласковость его весьма серьезна.

Какъ ушли maman, Арсеній, за руку меня взявши, въ горницу повелъ. Мнѣ не по себѣ стало и не вникала, зачѣмъ ведетъ.

Однако, пришли въ опочивальню, и на мою просьбу выдти да Дуняшу прислать,

лишь щеколду задвинулъ. У него было новое лицо, глаза блистали, и когда имя мое промолвилъ, примѣтила дрожаніе въ голосѣ. Онъ нагинаться сталъ вовсе близко ко мнѣ и цѣловать въ губы. Волненіе его возрастало: я же, право, словно въ аду находилась, смятенная и въ страхѣ. Арсеній огнемъ преобразился, будто грубымъ сталъ онъ, рвалъ на мнѣ платье и, не толико не принимая крики мои во вниманіе, безо всякой жалости мнѣ боль причинилъ. Я разрыдалась отъ ужаса, обиды, но не въ силахъ была бороться; внутри меня голосъ шепталъ, что сіе все надобно, да и горячность его будто передавалась мнѣ. Порывы мужа причиняли неизвѣданную пріятность, и рыдая все же сама уже прижималась къ нему.

И внезапно все освѣтилось: я тайну брака поняла. Арсеній пробудилъ во мнѣ женщину, онъ сталъ мнѣ дорогъ. Однако,

и въ послѣдующія ночи, съ восторгомъ отдаваясь объятіямъ его, все же безудержно рыдала. И недоступна моему разрѣшенію странность сія: сколь болѣе рыдала, столь становился Арсеній нѣжнѣй.

Нынѣ, въ печальномъ одиночествѣ, долгими ночами призываю тѣ блаженныя слезы и томлюся тоской по возлюбленному. Знойно мнѣ. Боже правый! Изъ памяти вонъ, что сіе все пишу въ самый въ страстной четвергъ".

---

2 Іюня 19 . .

Я люблю Лизу. Это совершенно ясно. Образъ правнучки ея таетъ въ памяти. Чувствую себя снова юнымъ, готовымъ вѣрить и любить душой. Чувствую ревность къ господину Лягавыхъ. Будь на мѣстѣ его, ужъ не отправился бы въ полкъ, оставляя синеокую голубку одну, въ тяжести. Бѣдная томится по тебѣ, а ты... Ты думаешь—

вещь, можно поиграть и оставить; я убѣжденъ, что мерзкія женшины, кутежи и карты наполняютъ твое время въ столицѣ.

Умѣрь свой пылъ, Петръ Петровичъ! Возможно, что несправедливъ.

Не буду залпомъ читать твою сказку, небесная подруга, слишкомъ мимолетны страницы. Не хочу знать такъ скоро печальнаго конца. Вѣдь, судьба твоя драматична. Ты рано умрешь, не вынесешь, милая, грубости людскихъ привычекъ.

---

16 Іюня 19 . .

О, скука, доколѣ будешь сопровождать меня! На недѣлю уходили: тяга вальдшнеповъ. Жили на хуторѣ, пили водку, валялись лѣниво. Много спорили... Люблю травить Лешу на англомановъ. Въ концѣ концовъ оба расшалились, какъ мальчишкамъ и подобаетъ. Лишь Арсеній предпочиталъ лежать лицомъ кверху.

Что видитъ онъ въ небѣ вечернемъ, когда блуждаетъ взоромъ между звѣздъ? Души ли предковъ, дьявола ли, мечущагося во вселенной? Или ничего?

Дома все по старому.

Нина капризничаетъ. Мать просила меня образумить. Добровольно записался въ няньки.

Когда вошелъ въ дѣтскую, Нина сидѣла калачикомъ въ креслѣ, печально водя пальчикомъ по обоямъ. Темно-рыжіе локоны разсыпались бронзовыми змѣями, а тонкія ножки въ носкахъ нервно вздрагивали.

— Ниночка, что съ тобой?

Вскочила, затопала:

— Какое вамъ дѣло до меня? Всѣхъ васъ ненавижу!

— Кого всѣхъ?

— Взрослыхъ. Тупы, самодовольны. Не видите, что души есть въ дѣтскомъ тѣлѣ.

— Помилуй, Нина, зачѣмъ же меня то

къ врагамъ причисляешь? Я уважаю всякую душу, не считаясь съ размѣрами ея оболочки.

— Вы то!—зло разсмѣялась: — только свою Варьку и видите.

Признаюсь, я былъ непріятно пораженъ: не ожидалъ, что въ тайну проникли. Но не хотѣлось лгать. Ничто такъ дѣтей не вооружаетъ, какъ ложь.

— Нина,—сказалъ серьезно:—ты права... Я любилъ Варю, но развѣ это грѣшно?

Она серьезно посмотрѣла въ глаза мнѣ, медленно проговорила:

— Грѣха вообще нѣтъ.

— То-есть, какъ это нѣтъ? А воровство, а убійство?

Прибѣгнулъ къ шаблону о грѣхѣ.

— Это просто болѣе сильные убиваютъ. а ловкіе воруютъ, но эти вещи еще не обдумала. Я говорю о любви: грѣха нѣтъ— въ любви.

— Ну, видишь, — сказалъ успокоенный:— конечно, не можетъ быть грѣха въ самомъ чистомъ и высокомъ чувствѣ.

Съ злымъ лицомъ перебила:

— Вы опять изъ хрестоматіи! Оставимъ чистыя чувства, онѣ умерли съ романами Вальтеръ-Скотта. Теперь на первомъ мѣстѣ наслажденіе.

— Какъ же ты понимаешь наслажденіе?

— Думаю, всѣ одинаково понимаютъ. Знаю, что дѣти не въ капустѣ родятся. Прекрасно знаю... И знаю, что Варя ваша любовница, что она...

— Нина, Нина, что говоришь! — закричалъ я, но спохватился, понявъ, что отрицаніемъ ужъ не поможешь: — Если знаешь такія вещи, должна понимать, что не говорятъ о нихъ и ужъ во всякомъ случаѣ такъ громко.

Мое признаніе подѣйствовало. Нина сконфузилась.

— Вы правы,—сказала тихо и руку протянула:—простите мою безтактность.

— Видишь, мы можемъ быть друзьями. Ну, скажи же, что съ тобой?

Отпрянула всѣмъ тѣломъ:

— Это никого не касается.

Я подумалъ: если умѣло взяться, она со временемъ скажетъ. Можетъ, удастся предостеречь отъ многаго.

Взялъ за руку, серьезно сказалъ:

— Не буду назойливымъ другомъ. Но даю совѣтъ: если хочешь скрытъ свои чувства, учись владѣть собой... Надо волю развивать, Нина.

Глазки у Нины расширились, прояснились. Она губами прижалась къ моей рукѣ, зашептала:

— Такъ вправду за человѣка считаете, что говорите такъ?

Крѣпко цѣлуя ее, высвободилъ руку.

— Понятно. Человѣкъ не въ ростѣ,

а въ томъ, сколько успѣлъ перечувствовать.

— Я буду вашимъ другомъ... Вы понимаете, я скажу все,—вспыхнувъ, прибавила она:—не сегодня, въ другой разъ.

— Когда захочешь. Всегда буду цѣнить твое довѣріе.

Мы вмѣстѣ вышли. На вопросъ Лягавой — „что, образумили?“—отвѣчалъ, подмигнувъ Ниночкѣ;

— Ее разстроила книга. Нина слишкомъ впечатлительна.

Ложь эта еще больше насъ сблизила, мы стали сообщниками.

---

25 Іюля 19 . .

Апатія... все изъ рукъ валится. Брожу безъ толку. Лизу даже забылъ. Мнѣ становится совѣстно даромъ получать деньги,— Арсеній не желаетъ заниматься.

Вчера былъ пожаръ въ деревнѣ, всю ночь провозились. Грандіозное зрѣлище, Гудитъ, пылаетъ воздухъ вокругъ, реветъ скотина, женщины ревутъ. Стихійность огня усыпляетъ мысль. И въ ту минуту, когда пламя обдаетъ всѣхъ равно дымнымъ жаромъ, чувствуешь и людей равными — точно эти бородатые дикари, съ ужасомъ въ глазахъ—твои братья, отцы, и тащишь изъ пламени грязную бабу, какъ родную мать.

Я всегда предполагалъ зачатки величія въ Арсеніи. Вчера онъ превзошелъ человѣческія силы, мечась изъ пламени въ воду, рубилъ, спасалъ. Онъ былъ, какъ говорятъ французы—sublime de grandeur. Прирожденный баринъ своихъ родныхъ крестьянъ, онъ спасалъ ихъ, какъ свое дѣтище. Не то, что мы грѣшные, только разсуждаемъ—гуманность да равенство!

Зато и ругался же потомъ, лѣниво пле-

тясь домой: на ихъ счетъ сквернословилъ. Не понять души самодурской.

Довольно. Не мое это дѣло,—знай, учи. Лучше уйду въ прошлое.

И еще тѣмъ оно соблазняетъ меня, что всѣ о немъ позабыли.

---

11 Апрѣля 18 . .

„Что же и сказывать про свѣтлый праздникъ! Хотя торжественно было и духовенство у насъ собралось, однако, все-же не было третьяго, сокола яснаго, хозяина въ дому. Посему и праздникъ не въ праздникъ. Но, Боже! Какое горе нынче поутру приключилось. Два лучшихъ жеребца мужнина завода одинъ другого загрызли. Maman немедля нарочнаго въ Санктъ-Петербургъ снарядили. Въ сколь великомъ гнѣвѣ будетъ Арсеній.

Я вся дрожу въ противность матушки-

нымъ просьбамъ не волноваться. Никакъ сего нельзя, ибо дрожу за участь виновныхъ. Знаю, что гуманенъ, не сгубитъ человѣка, сама его доброе сердце на себѣ испытала. Но голосъ иной говоритъ, что можетъ страшенъ быть. Недаромъ жутко хоть и хорошо, будучи наединѣ съ нимъ. Его глаза, столь темные, дѣлаютъ впечатлѣніе глубокихъ колодцевъ. Мнѣ невозможно въ нихъ безъ трепета смотрѣть.

Стану молиться за наипріятнѣйшій исходъ сего дѣла.

Желая утѣшить меня, maman подарили штуку гро-де-туровой матеріи. Пусть, молъ, Дуняша сладитъ для меня шлафрокъ по причинѣ того, что талія въ непродолжительномъ времени округлится. Однако, чувствую значительное облегченіе, отпустила рвота, и схватки какъ рукой сняло. Но не ладно на душѣ. Чего то тоскую, обидно въ моемъ одиночествѣ, и въ головѣ

словно бы горячка. А какія досаждаютъ грезы! О, я не вымолвлю о нихъ даже тебѣ, тетрадка.

. . . . . .

21 Апрѣля 18 . .

„Вотъ радость то! Пріѣзжаетъ кузенъ. Собрался, было, въ свою вотчину, по пути ему, и, какъ они за послѣднее время сдружились съ Арсеніемъ, то мужъ и просилъ его у насъ замѣшкаться — насчетъ жеребцовъ. Самому еще до середины лѣта невозможно удосужиться. И пишетъ еще мой любезный супругъ, что, въ тоскѣ будучи по дому, на цѣльный годъ въ отпускъ проситься станетъ и все то время провесть намѣревается въ деревнѣ. Сія благосклонность его весьма меня радуетъ, и еще то, что въ посланіи своемъ весьма о моемъ самочувствіи тревогу выражаетъ. И отъ

кузена Пети узнаю, каково Арсеній въ столицѣ пребываетъ. Скажу тебѣ по секрету, подруга: вѣрно, по своей Лизѣ скучаетъ. Ахъ!..

Maman приказали синюю комнату приготовить, не сегодня-завтра прискачетъ.

---

25 Апрѣля 18 . .

„Ну и чего это я? Въ возмущеніи чувствій словно жениха ожидаю, а всего лишь Петю, бѣлокураго Петю, съ коимъ въ куклы играла. Правда, три года назадъ тому видѣлись,—по окончаніи корпуса въ полкъ на Кавказъ ускакалъ,—а все же онъ мальчикъ, особливо нынче для меня, и, помнится—неуклюжій такой, толстенькій. Однако-же (ай! ай! ай!), однажды мы съ нимъ разокъ поцѣловались. Мнѣ минуло въ тѣ поры двѣнадцать лѣтъ... Думалось, Петя—взрослый такой, а ему шелъ пятнадцатый...

Я въ томъ Арсенію признавалась. Курьезный онъ,—не поймешь мужчинъ,—смѣялся и велѣлъ повторить.

— На что, говорю, вамъ сіе надобно?

А онъ:

— Очень, женушка, мило краснѣешь.

А тогда, помнится, и стыдно то вовсе не было: поцѣловались въ малинникѣ и дальше побѣжали.

Что значитъ чистой быть сердцемъ! Нонѣ съ мужемъ, а стыдъ жгучій и сладкій. Вѣрноистинно: дѣти—ангелы.

Что мучаетъ меня, охъ, что тревожитъ? Будто и покойно и Петѣ радуюсь, однакоже тоскую. Какъ замечтаюсь, тепло въ сердцѣ заливаетъ, клубки пойдутъ, лобзаній ищу въ пустотѣ.

Намедни какой сонъ увидала, дивлюсь: не то Арсеній, не то другой кто будто сжимаетъ крѣпко меня, и губы его шею жгутъ, послѣ ротъ, и внезапно такая сла-

дость пошла томная, и слышу сама, что стенаю во снѣ... и пробудилась, дрожу...

Зачѣмъ, зачѣмъ я въ одиночествѣ, словно на краю земли!.. Мнѣ осьмнадцать лѣтъ, девятнадцатый, мнѣ тошно безъ любви, разъ что узнала ее.

И на что ему было жениться, ежели несподручно съ женою время проводить! О, Арсеній, о, супругъ мой, пошто нѣжнѣйшія страсти во мнѣ пробудилъ и покинулъ? Правда,—съ матушкой, да чтожъ сіе? Онѣ и по волосамъ погладятъ и поцѣлуютъ, но нешто такъ? Вѣдь, онѣ женщина, а женское лобзаніе—развѣ лобзаніе? Сіе все одно, что съ Петей тогда.

Мужа мнѣ надобно, мужа!

---

29 Апрѣля 18 . .

„Завтра будетъ. И свой и чужой. Жду роднаго, а все же волненіе испытываю. И не-

ловкость при томъ: какъ ни какъ, дама я, да еще и въ тяжести.

---

30 Апрѣля 18 . .

„Ну, чего, дура, волновалась. Отмѣнно вышло. Петя рано утромъ пріѣхалъ. Вышелъ къ чаю. Мы съ матушкой за столомъ находились. Какъ его maman не знаютъ, то я имъ и рекомендовала; кстати же онъ привезъ имъ письмо отъ Арсенія.

За симъ ко мнѣ подошелъ къ ручкѣ, я его въ лобъ.

— Какъ—говоритъ:—Лиза, въ новомъ положеніи чувствовать себя изволите?

— Очень, — говорю: — прекрасно, щастлива и въ полномъ здоровьи.

— Расцвѣли, comme une rose au printemps.

— Однако, — говорю: — Петя, въ полку сильно перемѣнились: любезности сказывать наловчились и выросли.

Тутъ maman съ улыбкой головой качаютъ:

— Лиза,—засмѣялись,—какъ же ты того въ толкъ не взяла, что молодые люди страсть не любятъ, ежели имъ про ростъ поминаютъ.

А Петя:

— Что вы, Евдокія Петровна, я уже, благодаря Бога, изъ того возраста вышелъ.

Такъ просто все обошлось и славно, будто и не разставались.

Петя про Кавказъ разсказывалъ, про полкъ свой, кручинился, что насъ вѣнчать не привелось, и нынче очень, говоритъ, съ Арсеніемъ сдружились. Они въ корпусѣ вмѣстѣ были, но супругъ мой пятью лѣтами старше.

Вплоть до обѣда прокалякали. Послѣ стола maman Петю почивать услали, и по вечеру онъ пошелъ дознаніе чинить насчетъ жеребцовъ, чтобы Арсенію о томъ донесеніе писать.

А какъ похорошѣлъ! И не узнать. Вытянулся, стройный такой, ужъ далеко не тотъ мальчикъ, а глаза! ну, словно звѣзды, — голубые, да ясные и надъ верхней губой усики тонкіе.

Ходитъ браво и шпорами позвякиваетъ.

У Арсенія тоже, разумѣется, шпоры, но чинныя такія, — генеральскія, хоть онъ лишь полковникъ. А Петенька ходитъ, какъ бубенчики, шпоры заливаются: весело такъ, смѣяться охота и безпремѣнно на него поглядѣть. И еще милую привычку имѣетъ (тоже новость!): головой потряхиваетъ, словно отъ мухи, и тоже весело такъ.

Однако, спать пойду, а то и впрямь сыро станетъ возлѣ открытаго окна.

---

1 Мая 18 . .

„Ахъ, безотлагательно записать должна. Туфли на босу ногу и шаль накинула —

за перо взялась. Что бы maman сказали! „Лиза, тебѣ вредно на босу ногу“. Но что бы онѣ сказали про вчера! Охъ, и писать жутко. Не думала, что столь проворная, а еще брюхата, вообразить невозможно.

Только лишь свѣчу погасила, да Дуняшу выслала, слышу—подъ окномъ шорохъ какой-то. Крикнуть хочу, не смѣю: что—какъ собака? Засмѣютъ. Вотъ это всю храбрость, какъ есть, посбирала, да на цыпочкахъ къ окну. Только выглянуть собралась, анъ! — кто-то настежь обѣ половинки. Ахъ! это Петя.

— Тише, Лизанька, не пугайся, я, право, не съ тѣмъ... Побесѣдовать съ тобой охота, день цѣлый досаждаютъ...

Осерчала, отвѣтствую:

— Что это вы, Петя, въ примѣръ задумали? Неприлично подъ окнами сторожить у замужней женщины, и не ты я вамъ, и не Лизанька.

А онъ ласково такъ:

— Полно гнѣваться, или мы не родные? Помнишь, въ лошадки бѣгали и въ Робинзоны?.. А помнишь?.. поцѣловались...

— Помню, — говорю, — и разомъ сердце спало.

И въ правду—родной. По всѣмъ видимостямъ вышло такъ, что невозможно намъ чужими быть, будучи родными. И что въ томъ дурного, ежели двоюродные при лунномъ свѣтѣ по душѣ бесѣду заведутъ? Вѣдь не ухаживанье какое-нибудь.

Тѣмъ временемъ Петя проситъ:

— Вылазь, Лизанька, какъ бывало въ Тверскомъ, когда мамзель съ книжкой вверху засыпала. Я помогу тебѣ, къ рѣкѣ пойдемъ.

И заботливо присовокупилъ:

— Только теплое накинь.

Мнѣ бы выговорить ему, да окно захлопнуть... Ну, точно что толкаетъ!—шлафрокъ накинула, да въ окно...Право, хуже дѣвченки.

Петя подъ руку беретъ, потихоньку пошли, какъ преступники.

Лишь руку жметъ.—Молчи!—шепчетъ:—услышатъ.., повремени, у рѣчки поговоримъ.

Посреди луга канава. Я и говорю:

— Петя, мнѣ нельзя канаву перескочить.

Не понялъ:

— Что ты говоришь, Лизанька, канавы прыгать забыла?

Я потупилась, чуть слышно молвлю:

— Нѣтъ, Петя, я... тяжелая...

— Ахъ,—вскрикнулъ,—дуракъ я, что не женился на тебѣ.

— Что ты, что ты!

А онъ на рукахъ поднялъ и черезъ канаву—прыгъ.

— Петя, право, осерчаю.

— Нѣтъ,—говоритъ:—не осерчаешь.

— Пошто это?

— Потому прелесть ты.

И бережно такъ на земь поставилъ.

Тогда просила его дурь изъ головы выкинуть, а гулять—ровно съ сестрой:

— Будемъ, молъ, дѣтство поминать.

— Ладно, вообразимъ, что мы въ Тверскомъ. Ты — Робинзонъ, я — леопардъ... Бѣги.

И подумать только. Никакой осторожности не приняла, да побѣжала.

Онъ за мной, до рѣчки не догналъ, тамъ изловилъ таки. У меня голова кругомъ, вѣрно, отъ положенія, на скамью падаю. Петя подхватилъ. Шепчетъ:

— Лизка, мы дѣти... мы — тогда, помнишь?.. И луна такъ же свѣтила...

Лишь вздохнуть успѣла, а губы его на моихъ, прижалъ ихъ крѣпко.

Боже, Боже, какая грѣшница! Не отняла, прочь не прогнала, такую радость познала, веселую, вовсе безо всякаго ужаса. Къ нему прижалась и поцѣлуй отдала, одинъ, другой, третій...

И замерли рука съ рукой.

Однако, чувствую, Петя вздрогнулъ... Нѣтъ, нѣтъ, не надо болѣе!

— Нѣтъ,—говорю,—Петя, не дѣти мы и не тотъ это поцѣлуй.

И пошла отъ него. Петя оставался, гнаться и не пробовалъ. И въ молчаливомъ нашемъ разставаніи болѣе грѣха было, нежели въ догонкѣ и бѣготнѣ.

Что же я то творю! Жена безъ году недѣля, будущая мать. Вѣдь, мужъ то любъ? Мысли сіи приводятъ меня въ содроганіе.

. . . . . .

. . . . . .

Между чтеніемъ.

Люблю твой образъ, маленькая Лиза. Здравой душой своей видишь въ туманѣ любви, а мы любовью создаемъ умственную мглу.

Приди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны...

. . . . . .

. . . . . .

---

4 Мая 18 . .

„Уже четвертыя сутки удаляюсь въ горницу, томлюсь раскаяніемъ, кляну себя и все же при воображеніи того лобзанія впадаю въ трепетъ.

Петя блѣдность имѣетъ на лицѣ. Я заплаканная. Maman допрашивали: отвѣчала, что Петя сказывалъ—мужъ тоскуетъ, а мнѣ мочи нѣтъ ударъ сей перенести. А самъ, де, кается, зачѣмъ выболталъ. Повѣрили. Головой качаютъ. А впрочемъ, Богъ ихъ вѣдаетъ! Прозорливы онѣ, порою кажется,—насквозь тебя видятъ.

Однако, съ Петей стараюсь наединѣ не быть. Никакъ не желаю сіе повторить и

чувствія свои усугубить: противу голоса, что смущаетъ, борьбу веду.

Намедни говорю:

— Петя, передайте карты, пасьянсъ загадаю.

Стала футляръ отъ него принимать, — maman къ окну сѣли съ вязаніемъ, — онъ карты подноситъ и руку мнѣ сжалъ.

Я словно бы ждала, не убереглась, лишь вспыхнула, и свою долго въ его рукѣ оставила. Чувствіе безумное духъ захватило и въ сторону шатнуло. Такъ бы на шею бросилась, въ очи бы глядѣла.

Въ сумерки бумагу взялъ, угольком сталъ эскизъ набрасывать, что съ балкона видать.

Порисовалъ и говоритъ:

— Лиза, посудите о моемъ художествѣ.

Встала, сзади подхожу, и мигомъ въ глаза бросилось: — посреди пруда надпись стоитъ.

„Лизанька, въ полночь приходи въ жасминную бесѣдку".

Даже въ холодъ кинуло отъ подобной дерзости... Однако, съ собой справилась и со значеніемъ говорю, да строго такъ:

— Это у васъ посреди пруда—неправильно.

— Неправильно, — смѣется:—ну, можно исправить!—да вдругъ выводитъ:—„дорогая, любимая".

Правду сказать, на сей разъ, будучи разгнѣвана неуважительностью, собралась было колко отвѣчать. На бѣду тутъ maman говорятъ:

— Покажите, Петя, поглядѣть, что вы за искусникъ?

Ну, думаю, что будетъ!

А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, понесъ. На ходу изъ словъ своихъ лодочку скроилъ, матушкѣ представляетъ.

— Отмѣнно. Вы бы Лизочкинъ портретъ написали.

— Портреты,—говоритъ,—куды труднѣй... Впрочемъ, отчего не испробовать.

— Вотъ и славно, — порадовалась maman:—и Сеня весьма будетъ расчувствованъ. Передъ нимъ сидѣть, чтобъ глазъ не спускалъ! Да ни за что не вынесу. На сей разъ въ грязь лицомъ не ударила, нахохлилась и сурово произнесла:

— Нѣтъ, maman, дорогая, безъ движенія для модели сидѣть для меня весьма даже вредно...

Видала, какъ Петя досадливо головой мотнулъ, а матушка улыбнулись:

— Чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало.

А въ ту пору, какъ онѣ вышли, Петя ко мнѣ подскочилъ, за руки схватилъ, да какъ помѣшанный:

— Придешь, придешь?

Хочу разомъ отрѣзать—нѣтъ, а саму трепетъ объялъ... Противъ воли шепчу:

— Зачѣмъ мучаешь?

Только не пойду я, ни за что, вотъ передъ святыми иконами—не пойду.

. . . . . .

---

6 Мая 18 . .

„Мочи моей нѣтъ, перо изъ рукъ валится. Тетрадка, обожди, дай пережить, на себя оглянуться, тогда повѣдаю. Я ли это, та же ли Лиза? Съ какой высоты упала и сколь взвилась высоко! И рай и адъ въ одно и то же время.

. . . . . .

---

26 Іюня 19 . .

Нѣтъ, не стану читать... Неужели, Лиза? Ты, святая?..

Прежду, зачѣмъ смущать ея духъ, когда не хочетъ говорить. Пусть, бѣдняжка, переживаетъ паденіе, если пала...

„А можетъ—это все пустое,
„Обманъ неопытной души...“

Разрѣшится мученьемъ въ пустую: Лиза испугалась чувства своего.

Ты безсовѣстно въ кузена влюблена. И отлично: не нравится мнѣ хваленый Арсеній. Ужъ очень много уваженія внушаетъ! Пегя — милый. И какъ подмѣтила незначуще очаровательныя черты: головой потряхиваетъ, весело звенятъ его шпоры...

Просто любишь, женщина—ребенокъ, оттого все въ немъ тебѣ радостно. Но мнѣ то грустно, ангелъ златокудрый, зачѣмъ связала жизнь съ высокомѣрнымъ мужемъ, зачѣмъ не дождалась меня. Мнѣ мѣшаютъ съ головой уйти въ прошлое, любить лишь одну Лизу. Ежеминутно будни колютъ глаза.

Сегодня пробудилъ крикъ во дворѣ. Мой патронъ изрыгалъ сквернословіе приказчику въ лицо. Свинью, видите-ли, не уберегли. Великолѣпный іоркширъ бракомъ сочетался

съ хрякомъ—плебеемъ изъ села: значитъ, хамское потомство будетъ.

И честилъ же онъ его. Я выглянулъ. Нехорошее лицо у приказчика, молчитъ, а глаза горятъ недобрымъ огнемъ:—подожди, молъ, свое возьмемъ.

Грубъ господинъ Лягавый, но лучше своей супруги. Ужъ очень та фальшива и неловко изъ себя барыню играетъ. Онъ ее изъ купеческой семьи взялъ. Очень красивая была, рыжеволосая, бѣлотѣлая. Говорятъ, тонка и скромна была въ дѣвушкахъ. Теперь расползлась, гаданье любитъ, тайкомъ, въ людской любовниковъ, видимо, часто мѣняетъ, и все мальчики...

Сеня и Варя ничего купеческаго не унаслѣдовали. Нѣкоторая вульгарность баронессы—скорѣе вырожденье отцовской грубости. Ну, а Сеня — весь порода: лѣнивъ, небреженъ, порой благороденъ до самозабвенія.

Леша—прямой купецъ; Ниночка лицомъ въ мать, только волосы темные, скорѣй бронза, тогда какъ купчихина шевелюра пылаетъ.

Къ чаю патронъ пришелъ взъерошенный, злой. Никому здравствуй не сказалъ, молча и жадно пилъ чай.

Леша выждалъ, потомъ ласково подъѣхалъ:

— Папочка, подари порченную свинью.

— На что тебѣ?

— А такъ... Выхожу, поросятъ выкормлю и продамъ.

— И пройдоха же ты!

— Я бы просила тебя не браниться,— вмѣшалась хозяйка,—по крайней мѣрѣ при мнѣ.

— А ты никогда не слышала? Въ родительскомъ домѣ, небось, и не такъ величали.

Та взвизгнула:

— Какъ ты смѣешь! Зачѣмъ бралъ? На приданое польстился? Чего посматриваешь? купеческія деньги сладки!

— Сладки, нечего сказать. Предпочитаю—въ петлю. Посмотри на себя-то. Съ утра до вечера жрешь, хамовъ народила...

— Хамы-то отъ вашей милости...

Она рѣдко сердится, оскорбляться вовсе не умѣетъ, но пошлостью убиваетъ.

Ниночка блѣдная сидитъ съ сжатыми губами—вотъ-вотъ заплачетъ.

Леша выждалъ и снова, прерывая смѣхъ:

— Такъ какъ же, папа—свинья?

— Сказалъ—зарѣзать и баста.

— Что тебѣ стоитъ, ты и не увидишь.

— Не проси, не дамъ. Зарѣзать и баста...

Вдругъ вспылилъ:

— На что похоже: дворянинъ свиней продавать!

— Ты же, папа, продаешь.

Заоралъ:

— Молчать, негодяй, пошелъ вонъ.

Леша вышелъ, пожимая плечами. На лицѣ его я замѣтилъ только усмѣшку.

— Прекрасное воспитаніе,—продолжалъ отецъ, закуривая великолѣпную сигару:— дѣвченка уши развѣсила.

Тогда я поднялся и взялъ Нину за руку.

— Не наше это дѣло... Пойдемъ, Нина.

Гуляли долго въ полѣ. Сперва вѣнки плели молча и печально, ловили бабочекъ; но долженъ сознаться, такъ разговорились, что забылъ о Ниночкиныхъ тринадцати годахъ. Спорилъ съ увлеченіемъ. Удивительный ребенокъ, обладаетъ не женской логикой, взглядъ широкъ, почти дерзокъ, но надломленъ ранней мудростью; есть смѣлость, но нѣтъ охоты къ жизни.

Сестры и схожи и различны. У обѣихъ страстный темпераментъ, но у Нины облагороженъ какимъ-то тревожнымъ исканіемъ. Нина стремится проникнуть въ глубь

вещей, ищетъ „почему“; Варино первое слово: такъ мнѣ пріятно.

Начали о родителяхъ. Нина отзывалась о нихъ съ горькой ироніей; говоритъ—не дали дѣтства, слишкомъ рано научили невѣрію. Первымъ разочарованіемъ была мать. Нина вѣрила въ святость брака, но судьба желала, чтобы рано поругана была ея греза.

Дѣвочка была случайной свидѣтельницей сцены грубой, ничѣмъ не прикрытой...

Долго не могла опомниться, рыдала и молилась, хотѣла найти извиненія для матери, но не нашла и съ тѣхъ поръ отошла отъ нея.

— Не думайте,—говоритъ спокойно, точно старая женщина:—что чувство или грѣхъ пугаютъ меня... Мнѣ грязь страшна, мнѣ больно, что любовь поругана, ничто не свято. То, что грезилось мнѣ, какъ сказка, въ цвѣтахъ и небесномъ сіяніи, оказалось грязью...

Она содрагается, вѣрно, переживая тогдашній свой ужасъ, первое оскверненіе храма дѣтской души.

— Нина, но зачѣмъ смотрѣла?

— А-а-а, Петръ Петровичъ, вамъ незнакомо любопытство. Вспомните Еву. Васъ, взрослыхъ опьяняетъ страсть, насъ—любопытство. Жизнь взрослыхъ—запрещенная книга, страшно интересная для насъ загадка. Мы времъ, притворяемся, мы готовы на подлость ради любопытства. Подслушать у двери, составить изъ кусочковъ разорванное письмо — это самыя обыкновенныя вещи, какъ у васъ дѣла. Да что!.. Мы подкупамъ прислугу и для этого воруемъ деньги у родителей.

Невольно вспомнилъ маленькую тѣнь ночью у брачной двери сестры, но промолчалъ.

— Ты такъ просто говоришь... Тебѣ не стыдно?

— Стыдъ... Не знаю... Стыдно дурного, когда есть хорошее... ну, а когда нѣтъ...

Махнула рукой.

— Богъ мой, дѣтка, но ты же не все на свѣтѣ знаешь. Есть иные люди, есть идеалы.

— Да, говорятъ... Но я не видала такихъ.

— А въ себѣ не носишь правды? Разъ видишь мерзость, и противно, значитъ— твоя душа чиста.

Думалось, не живетъ ли въ ней Лиза, перерожденая, суровая, та, что обличаетъ.

Нина стала серьезна, почти торжественна.

— Если бы такъ...—сказала она и подумала:—я была бы довольна, ушла бы...— потомъ тихо добавила:—но мерзость... она притягиваетъ...

Больно было слышать признаніе, тяжело потому, что вѣдь,—ребенокъ; въ голосѣ ея бездна правдивой печали; плачетъ о ранней мудрости, что не подъ силу.

— Тебя, Ниночка!

— Васъ это удивляетъ? Повѣрьте, трудно въ себѣ обмануться, въ мои-то годы...

Я привлекъ ея голову, поцѣловалъ.

— Бѣдная моя, умная старушка... Кажется, Нина, какъ ни странно это, мы здѣсь одни понимаемъ другъ-друга. Но у меня, стараго студента, хотя порой бываетъ дрянно на душѣ, есе же больше иллюзій. Я вѣрю...

— Во что? Научите!—горячо сорвалось у нея.

— Нина, есть наука, есть души чистыя, есть Богъ...

— Да Богъ... Но Онъ слишкомъ далеко, тамъ, за облаками,—пропѣла тоненькимъ голоскомъ, по дѣтски, поднявъ высоко свой пальчикъ: — Богъ снисходителенъ или... равнодушенъ... Онъ насъ забылъ.

— Онъ въ насъ самихъ, надо искать Его.

— Богъ не можетъ быть такъ близко...—

проговорила она вопросительно и съ надеждой.

— Повѣрь, что дальше всего то, что въ насъ.

Изумленно подняла глаза.

— Правда? Вы говорите что-то трудное, но чувствую, что не лживо. Можетъ быть, есть пути къ этому Богу... я поищу.

Я радъ, что вѣришь.

Нина покачала головой:

— Не вѣрю,—довѣряю. Потому что вы—по человѣчески со мной... До сихъ поръ одни смотрѣли, какъ на куклу, другіе... развращали...

— Развращали?

— Ну, да, цѣловали, дразнили...

Мои волосы становились дыбомъ. И эта?

— Ты бредишь, дитя!

Нина разсмѣялась искренно, добродушно.

— Такъ вотъ—всѣ взрослые. Не видите, что творится въ дѣтской подъ носомъ у васъ.

Молча вернулись домой. Я—убитый кошмарнымъ лепетомъ, Нина, какъ всегда—замкнутая.

Странная эта дружба между ребенкомъ и старымъ шелопаемъ, но безусловно въ насъ есть общее: стремленіе въ высь.

Мнѣ искренно хотѣлось повѣдать ей свои сомнѣнія, свою любовь къ умершей.

Удивляюсь Нинѣ. За весь длинный разговоръ ни одного дѣтскаго слова. Убѣжденный пессимизмъ, какое-то отчаянное безвѣрье. Откуда? Неужели мы, взрослые, поселяемъ въ дѣтскихъ сердцахъ эту тьму? Или ужъ вѣкъ таковъ, что старѣетъ душа съ колыбели.

Вѣдь, вотъ же Лиза, до безобразія наивна до сихъ поръ...

Однако, я брежу. Все спуталось въ мозгу. До сихъ поръ? Ужъ не я ли—Петя!

Ли-за жи-ла сто лѣтъ то-му на-задъ.

Запомни это, сумасбродъ!

Умерла въ тоскѣ, ее похоронили, живъ лишь печальный образъ.

Мнѣ было жутко и вмѣстѣ проникся глубокимъ къ Ниночкѣ уваженіемъ. За прямодушіе, за знаніе самой себя и еще за то, что тверже въ невѣріи своемъ безпутнаго фантазера, Петра.

Неужели, неужели всѣ дѣти таковы?

Мы учимъ ихъ, сталкиваемся ежедневно, но не видимъ, что они старше насъ.

Неисправимый утопистъ: я таки поймалъ вечеромъ Нину, съ искренной слезой въ голосѣ предложилъ вѣчную дружбу съ цѣлями самоисправленія.

— Будемъ, молъ, рука объ руку Бога искать.

Дѣвочка посмотрѣла жалостливо, плечиками пожала:

— Давайте, если вамъ пріятно, но ничего не выйдетъ.

24 іюня 19 . .

Телеграмма отъ Вари: „Буду вечернимъ, одна". Что это значитъ?

Что бы ни было, торжественно обѣщаю, ни въ какія съ ней грязныя сдѣлки не вступать. Отнынѣ у меня Лиза и Нина. За Лизу хватаюсь. Нину за собой тащу; нѣчто вродѣ игры въ коршуна. Прошлое, настоящее, будущее... Вотъ моя цѣль и миссія.

---

29 іюня 19 . .

Она пріѣхала. Семья встрѣтила кисло, предполагая ссору.

Но Варя объяснила цинично:

— Что я, дура? неужели упущу мѣшокъ?

Похорошѣла, слегка пополнѣла. На меня не обратила вниманія, да и съ другими особенно ласкова не была. Только Нину поцѣловала. Та смотрѣла на сестру какъ

то скорбно; въ глазахъ ея читаю: „бѣдная, тошно тебѣ".

Ужинали шумно. Варя болтала про Англію, про магазины, спорила съ отцомъ. Тотъ упрямо повторялъ: одни жиды въ твоей заграницѣ.

„Сама" завистливо слушала дочь.

Послѣ—Варя разложила купленные наряды, слегка кричащіе, но со вкусомъ.

Стремительно вышла на балконъ, крикнула:

— Петръ Петровичъ, это какая звѣзда, Меркурій?

Когда подошелъ, почти громко проговорила:

— Ночью приду. Помнишь — обѣщала!.. Такъ—Меркурій?—продолжала громко: — А въ Лондонѣ звѣздъ не видно: дыму много.

Вернулась въ гостиную, что то сыграла, спѣла шансонетку, очень пикантную.

Вечеръ прошелъ на рѣдкость гладко;

самъ не ворчалъ, игралъ въ трилистникъ съ Лешей и приставомъ,—молчаливой личностью очень подозрительнаго вида.

Арсеній и Лабиновъ не присутствовали. Они вообще предпочитаютъ сидѣть наверху, безконечно развивая наивнѣйшую философію.

Съ волненіемъ ожидалъ я Варю. Зналъ, что придетъ, хотя бы ради насмѣшки надъ всѣми.

Лампы не зажигалъ.

Пусть приходитъ... Осажу ее сразу, все скажу:—что не желаю больше, переродился во время отсутствія, вступаю въ новую жизнь. Сознавалъ въ себѣ непобѣдимую твердость и до того зазнался, что краснорѣчіемъ рѣшилъ соблазнить Варю къ туманному идеалу.

При лунномъ свѣтѣ видѣлъ, какъ вошла въ длинной ночной рубашкѣ. Привидѣніе! Бываютъ-же несчастливцы, которыхъ тревожитъ излюбленный образъ...

Быстро заперла дверь, и я уже чувствовалъ ее, дрожащую, у своей груди.

— Смой поцѣлуи его...—шептала безумная:—все о тебѣ мечтала...

Хотѣлъ отстранить, но губы знакомыя, какъ жало, больно и сладко вонзились въ мои, и безъ борьбы сдался.

Вернулось прежнее, снова побѣдила наглость страсти.

Она взяла меня одной увѣренностью въ побѣдѣ.

---

4 іюля 19 . .

Трудно записать то, что творится теперь. Стало нестерпимо душно, воздухъ раскаленъ. Варя бродитъ по цѣлымъ днямъ въ прозрачныхъ капотахъ, молчитъ, зѣваетъ и сводитъ меня съ ума. Мы ждемъ ночи, и несмотря на то, что до утра остаемся вмѣстѣ, мы томимся длиннымъ ненужнымъ днемъ. Я ненавижу день: онъ обличаетъ, какъ

судья. При свѣтѣ солнца горятъ утомленные глаза, знойный воздухъ сушитъ и безъ того жаждущій ротъ. Мнѣ страшно нашей страсти, она превышаетъ мое пониманіе.

Ни словъ, ни моральной близости; одна мысль, одно желаніе... тѣла твоего. Мы вспыхиваемъ и горимъ, но, думаю, спокойно перенесли бы смерть одинъ другого.

Совѣстно Нины. Испытующе смотритъ. Подойду— отвернется.

— Нина, за что избѣгаешь, развѣ мы не друзья?

— Потомъ поговоримъ. Мы—друзья, но вамъ не до того, да и мнѣ не до васъ.

— Неужели, думаешь, изъ за сестры твоей отрекусь?

— Оставьте, оставьте, дьяволъ теперь царитъ.

Со смѣхомъ убѣжала.

---

15 іюля 19 . .

На дняхъ зашелъ въ „жасминную бесѣдку". На скамьѣ—Варя. Купалась, волосы тяжело распустились по кружевному капоту. Лицо блѣдно, лишь глаза, усталые, влажные горятъ. Она о чемъ-то задумалась. Увидѣвъ меня, порывисто встала, прислонясь къ трельяжу.

— Дивная...

Закинула голову, высоко подняла руку за вѣткой жасмина; рукавъ запалъ назадъ, я видѣлъ шею и полную обнаженную руку. Варя не могла достать. Я поднялся на носки, сорвалъ вѣтку. Наши пальцы встрѣтились; точно искра пробѣжала изъ тѣла въ тѣло, цвѣтокъ упалъ... Мы уже не люди.

Послѣ пошли бокъ о бокъ, равнодушные пока не вернутся животныя силы.

---

17 іюля 19 . .

Въ сумерки пришли слѣпцы-музыканты. Ихъ трое. Сѣли кружкомъ и запѣли. Впрочемъ, трудно назвать это пѣніемъ. Плачъ скорѣй, однообразный, смертельно унылый, безъ начала и конца, подъ аккомпаниментъ диковиннаго инструмента, жалобно-беззвучнаго, точно жернова разбитой мельницы.

Я слушалъ и думалъ:—они рыдаютъ безъ слезъ о судьбѣ своей, о судьбѣ своей родины, такъ же уныло и ненужно бродящей, словно слѣпая. Уже стемнѣло, но они все пѣли, забывъ, должно быть, о томъ, что живутъ, пѣли, чтобы занять голодный ротъ. Богъ вѣсть, почему я вспомнилъ Лизу. Цѣлыми днями хожу по мѣстамъ, гдѣ бывала она, но даже въ жасминной бесѣдкѣ—не вспомнилъ, а пѣсня слѣпцовъ вызвала милый образъ изъ вечерней мглы.

Видѣлъ, какъ подошла въ скромномъ платьѣ, глаза печальные, и говоритъ:

— Петя, мы согрѣшили, давай вмѣстѣ плакать.

И я заплакалъ о Лизѣ, о себѣ, о родинѣ, что плачетъ глазами слѣпцовъ.

Ушелъ далеко къ рѣкѣ и плакалъ тяжелыми слезами.

Лиза пристыдила. Но, вѣдь, и она грѣшница. Да, но не такъ. Отдается теченію жизни, не вѣдая, что творитъ. Мы же слишкомъ отчетливо знаемъ, потому что не вѣримъ. Лиза, пожалуй, перекрестится, бросаясь на грудь любовнику, а я, Варя, даже Ниночка, дьявола призовемъ--любуйся, молъ.

Я начинаю галлюцинировать.

Или, дѣйствительно, тѣнь Лизы пришла упрекнуть, зачѣмъ позабылъ о ней. Пережила свое горе, свой стыдъ и зоветъ попенять вмѣстѣ.

Да, да, солгу дьяволицѣ, съ тобой проведу ноченьку, Лиза, тихо часы скоротаемъ.

---

4 іюня 18 . .

. . . . . .

„Много времени прошло съ тѣхъ самыхъ поръ, а какъ сейчасъ помню.

Вѣдь, пошла тогда, не убоялась ни грѣха ни позора.

Вечеръ весь, какъ на угольяхъ, просидѣла, ни словечка изъ бесѣды общей не вспомню. Сижу, въ умѣ думаю—не пойду, а сердце на перекоръ выстукиваетъ—пойдешь, пойдешь.

И пошла.

Только улеглись всѣ, дверь на щеколду да въ окно. Безнравственная женщина! Помню, другихъ осуждала, говорила, казнить этакихъ надобно. Легко камнемъ въ ближняго бросить, да легче, видно, самой съ нечистымъ спознаться.

Не Петя ли дьяволъ? Полно, матушка, другихъ винить, сама больно хороша. Да можно ли противъ любви устоять? Ежели

пуще жизни милъ, ежели одного его во снѣ и на яву вижу? Ужъ тогда полюбила, какъ впервой увидѣла.

Да какъ же было то?

Не дожидался онъ у окна. Помню, радовалась—до бесѣдки; ежели нѣтъ, не судьба, значитъ, свидѣться, и слава Богу. А самой обидно, отчего не идетъ? Не люба ему видно...

Изнывая, дошла, какъ тать; что ни шорохъ, по кустамъ хоронюсь; собака забрехала да узнала, хвостикомъ вильнула, въ конуру прошла.

Добралась. Петя ждетъ.

— Пришла, желанная, радость моя...

Да обнимать. Нѣжитъ меня, слова такія нашелъ, что вся душа къ нему рвется.

Цѣловать сталъ, на руки взялъ. Тутъ все предо мной поплыло; не помнила, гдѣ нахожусь, и про осторожность забыла. Его прижимаю, и сами рѣчи любезныя изъ устъ идутъ.

Будто не мы одни, а ночь и рѣка и натура вся взыгралася: смѣхъ вокругъ, пѣсня нѣжная и сердце съ Петей будто одно...

Ближе мы, ближе становимся... сладость толикая поднимается, душитъ, томитъ, и случилось... самое большое и стыдное щастье. Отдалась ему, возлюбленному, тому, кого вѣкъ ждала, узнала, лишь завидѣла...

Какъ рыдала послѣ, какъ утѣшалъ, слезы съ лица пилъ, руки—ноги лобызалъ.

Но чѣмъ поможешь горю моему? Слезами позора не смоешь и не вернуть чести вовѣкъ. Да, что таиться! О томъ еще слезы лила, что люблю, а вмѣстѣ быть не суждено.

Умолялъ мужу во всемъ открыться, развода искать, за него идти.

Однако же, не могу разводкой стать: зазорно и ужъ больно грѣхъ великъ. Нѣтъ, видно смиреніемъ искупить надобно, молитвой, да постомъ.

Тяжко мнѣ нынче съ мужемъ жить, въ

глаза не гляжу, боюсь его. Гдѣ чувствія прежнія? Улетѣли къ другому: я измѣнница.

И не тотъ Арсеній, что напередъ казался: сердце вѣрно предчувствіе имѣло, что страшенъ онъ. Какъ въ отпускъ прибылъ, вовсе не тотъ,—суровъ, неласковъ. Правда, почтительный, однако же, куда какой серьезный.

И maman говорили ему:

— Будь же съ Лизой поласковѣй, она съ Божьей помощью брюхата.

А онъ имъ въ отвѣтъ:

— Я васъ, маменька, душевно уважаю, но въ отношенія съ женой прошу не входить. Впрочемъ,—говоритъ:—не знаю, чего безпокоиться изволите... Я Лизу по прежнему люблю, однако—не все же нѣжничать У меня дѣло, она же скоро матерью станетъ.

Да, горькая стала моя жизнь, и такъ-то скоро, словно по головѣ обухомъ. Только свѣтъ увидѣла и на вѣкъ — въ непроглядную тьму.

Петя тогда на другой день уѣхалъ; сама услала. Уговорила, что все одинаково—проступка не исправить, а грѣшить полно. Плакалъ, писать просилъ. Обѣщала, духу въ отказѣ не хватило.

Отъѣхалъ, помню, платочкомъ махнулъ и скрылся. Какъ я на ногахъ устояла, какъ maman отвѣчала, не помню; все кружилось, сердце мое разбилось. Одно знала—жизнь вся погублена. Къ себѣ добрела да такъ и повалилась безъ слезъ, словно каменная.

Долго дни тянулись, счетъ имъ позабыла. Сидѣли мы съ maman, шить стали свивальнички; однако, не помнила времени: что день, что ночь—одна тоска.

Maman допытывали:

— Повѣдай, Лиза, горе свое.

— Никакого горя, — говорю, — нѣтъ, а такъ, рожать боюсь и все тутъ.

А послѣ мужъ пріѣхалъ, матерій, подарковъ навезъ.

Поцѣловались.

— Ты,—говоритъ,—Лиза, въ тяжести... Я радъ, авось Господь сына пошлетъ.

Спрашивалъ, какъ жили, не скучала-ли, про Петеньку спрашивалъ. Я о ту пору лишь поблѣднѣла, за стулъ ухватилась.

Онъ брови наморщилъ:

— Что съ тобой?

— Слабость,—отвѣчаю:—отъ положенія.

— Пріучайся собой владѣть,—и къ себѣ прошелъ.

Ну, что за симъ было, и вспомнить страшно.

Велѣлъ позвать конюховъ, и пошло дознаніе. Бодро люди шли, переговаривались, знали: покричитъ баринъ, а то легко побьетъ и отпуститъ. Но съ нимъ курьезное произошло. Какъ я мужа не узнала, такъ и люди своего барина. Арсеній и голоса не возвысилъ... Съ полъ часа тишина была въ дому; послѣ того заднимъ ходомъ коню-

ховъ повели, а по нѣкоторомъ времени мы крики услыхали. Не крики — вопли, не то свинью рѣжутъ, не то звѣринецъ какой.

Долго кричали и стихло все.

Я—къ матушкѣ, допрашивать, а у нихъ у самихъ слезы на глазахъ.

— Ахъ,—говорятъ,—сама того не вѣдаю, Лизочка, никогда не было и не ждала я.

Когда втроемъ ужинали, maman и говоритъ:

— Зачѣмъ ты это, Сеня? Вѣдь, живые люди...

А онъ:

— Не женское дѣло, маменька, лучше перемѣнимъ предметъ разговора.

— Но, Сеничка, — пробовали maman: — съ тобой того никогда не было... наконецъ, я мать, имѣю право!..

— Все, что сыновній долгъ велитъ, требуйте—свято исполню, но я хозяинъ и люди мои... да вообще совѣтую происшедшимъ

не заниматься. Игра не стоитъ свѣчъ... — разсмѣялся:—правда Лиза?

Я лишь голову ниже потупила: ничего не знаю. Одно испытываю,—страхъ за себя и за людей и за долгую съ человѣкомъ безъ сердца жизнь.

Какъ Дуняша меня на ночь убирала, сказывала: двоихъ конюховъ сѣкли. Одного до смерти запороли, другого, не добивши, забрить приказано.

Что же сіе? Боже милосердный, что-же! Ужели съ убійцею жить, дѣлить досугъ и сонъ! Ужели ласки терпѣть подобнаго чудовища!

А ребенокъ мой? Вѣдь, сказано — кровь отцами пролитая, на дѣтей падетъ...“

---

7 іюля 18...

„Рѣдко говорю нынче съ тобою, тетрадка, да что печаль то писать? Пользительнѣй не думать, изо дня въ день волочиться, мол-

чать. Жалиться стоитъ ли, — не поможетъ.

Да и не на что, не обижаютъ меня, балуютъ. Гостинцы Арсеній возитъ съ ярмарки изъ губерніи, все выспрашиваетъ—не желаю ли чего. Наряжаться велитъ, порой точно съ куклой потѣшаться станетъ, по горницѣ носитъ, играетъ. И ужъ напередъ знаю, коли ласковъ мужъ, чего желаетъ, а ежели не то на умѣ, и вниманіемъ не удостоитъ, подчасъ мимо пройдетъ, словно бы я предметъ какой неодушевленный. И сношу, страхомъ замирая, страсть его. Однако, одного понять не въ силахъ: не любъ онъ мнѣ, страшенъ, о другомъ мечтаю, а какъ загорятся его глаза, и сама зажигаюсь, и будто ко мнѣ воротится блаженное первыхъ дней щастье... Не душою, а тѣломъ на мигъ сгораю по немъ.

29 іюля 18...

„Съ годами къ разсужденію привыкаешь. Прежде, бывало, либо пугаетъ что, либо радуетъ, такъ за чувствіями и идешь. А вотъ мыслить стала, порою анализъ себѣ учиняю, и тогда въ догадкахъ голова кругомъ идетъ.

Думается мнѣ, къ примѣру: ужели, что человѣкъ, что скотина? Такой случай замѣтила... (И для чего записываю, развѣ что дѣтямъ въ прокъ. Ахъ, что это я! Можно ли дѣтямъ про свой позоръ повѣдать: не онорабельно и всяческое къ матери почтеніе изсякаетъ. Ну, да все едино, на старость свою сохраню).

Давеча у жаровни сидѣла; мы съ Дунящей варенье варимъ, на зиму заготовки. День знойный, цвѣты позасохли, пыль стоитъ отъ молотьбы. Только лишь слышно вдали цѣпы щелкаютъ, да погонщики посвистываютъ; солнце ярко сквозь листву обож-

женную печетъ да паритъ. Тихо такъ, пчелки, точно золотое зернышко, быстро, въ пустую шныряютъ. Въ тазу сиропъ кипитъ, прозрачный и желтоватый, самый это лучшій, — еще родная маменька научили. Смотрю на него, да про Петю думаю, про любовь свою. Гдѣ онъ, горемычный, любитъ-ли, али давно измѣнилъ!

Думаю думу печальную и только Дуняшѣ крикнуть хочу: — всыпай ягоды! — какъ во мнѣ толчекъ, такой сильный, словно лягушка прыгнула.

— Ахъ,—кричу:—Дуняша, что это? — да руку ея на животъ себѣ кладу.

А она лицо постное сдѣлала и секретно такъ говоритъ:

— Брыкается.

Рано такъ?—спрашиваю.

— Чего рано... Я и то раздумывала: ему ужъ къ престолу толкаться, а вы— рано.

— А я разумѣла—лишь передъ самыми родами.

Прислушалась: впередъ ничего, вдругъ опять—толкъ, толкъ.

Меня краска залила радостно. Великое умиленіе нашло. Вѣдь живой ребеночекъ во мнѣ, моя же жизнь, плоть отъ плоти, моя и Арсенія. И вдругъ Петя на память пришелъ, всталъ передъ мной и я встала. Одинъ другому въ глаза глядимъ. Но не прежній, не ясный, любимый, а блѣдный такой, словно бы краску съ него смыли, и ростомъ будто поменьше: постоялъ съ минуту и назадъ покатился, дальше, дальше въ глубь куда-то, и закатился вовсе. А на мѣсто его мужъ выросъ. Какъ увидала, въ трепетъ всю бросило и земля кругомъ пошла: ничего не взвидѣла. Это—я сознанія лишилась. Послѣ сказывали — едва носомъ въ жаровню не угодила. Очнулась въ будуарѣ на софѣ. Подушки въ головахъ.

Лишь глазъ не открывала, а въ чувствіяхъ. Слышу, матушка говорятъ:

— Чего ты, Сеня? Сіе на шестомъ мѣсяце рѣдко когда со всякой женщиной не случается, особливо первой тяжестью.

А онъ слабымъ голосомъ:

— Испугался, маменька... Думалъ, всему конецъ. Вѣдь, поймите: она въ себѣ ребенка моего носитъ...

— Удивительно это мужчины: во всемъ примѣромъ быть желаютъ, а брюхатая жена въ обморокъ упадетъ, всякій контенансъ теряютъ.

— Каюсь, не сдержался. Но, говорю вамъ, для меня она и ноша ея дороже всего на свѣтѣ.

И руки у матери цѣлуетъ. Не вижу, а чувствую, что нагинается.

Сердце мое забилось: любитъ, значитъ. А чего жъ меня то веселитъ? Вѣдь измѣнница, по другомъ скорбѣла. Видно, не мы

сердцемъ правимъ. Съ той поры, какъ дитя заговорило, разомъ все смѣнилось... Вотъ отчего Петя то закатился: Арсеній мѣсто свое по праву заступилъ.

Глаза открыла, мужа подзываю. Какъ завидѣлъ, что очнулась, разомъ тонъ иной взялъ: выпрямился, да улыбкой говоритъ:

— Это что за слабости? Что ежели война?.. Помнишь, сказывала, со мной въ походъ пойдешь...

— Не виновна я, волненіе получила...

— Эхъ, бабы...

А maman спрашиваютъ, хотя, видно, ужъ отъ Дуняши знаютъ:

— Какое же волненіе, дитя мое?

Я матушкѣ рукой махнула:—мужу, молъ, сознаюсь.

Онѣ вышли.

Рѣдко мы съ пріѣзда его наединѣ бесѣду вели. Наперед замѣшкались.

Потомъ велитъ:

— Говори.

На меня смѣлость нашла: слышала, вѣдь, ихній разговоръ. Я его — за руку и нагинаться велѣла. Руку на животъ кладу.

— Слышите?—шепотомъ спрашиваю.

Онъ лишь только поблѣднѣлъ.

— Это онъ, сынъ вашъ...

Какъ стоялъ, такъ на колѣна и рухнулъ.

Обнялъ меня, плачетъ. Вотъ радость ему какую принесла!

И сама обнимаю, шепчу ему:

— Только лишь нынче, дорогой, вовсе въ тебя влюбилась.

Чудесное мгновеніе нашло, точно свыше. Въ одно существо мы оба слились, однимъ сердцемъ слушали, какъ дитя наше растетъ.

Когда отъ матушки пришли къ столу звать, я и спроси—отчего онъ все сумрачный былъ, и нелюдимый, какъ не совѣстно ему, что засѣкъ...

— Не поминай,—говоритъ:—Лиза, самому

гадко. Это все жеребцы проклятые такое вліяніе имѣли: очень ими дорожилъ. Однако, обѣщаю впредь людей не губить, хотя, въ деревнѣ поживя, во многомъ мнѣніе измѣнилъ.

— Въ чемъ же?

— Да, прежніе идеалы рушатся: думалъ, каждый человѣкъ ровенъ... Есть еще человѣкъ, что такъ мыслитъ, но сей и положеніемъ высокъ и духомъ святой. Однако, вижу, нынче съ мужикомъ безъ кнута не обойтись.

— Отчего же,—говорю,—не поучить... И папенька бивали, однако, не до смерти.

— Да, отецъ твой правъ былъ, когда спорилъ со мной: — бить надо, но въ границахъ христіанства, не то самъ себя унижаешь.

Ну, не прелесть ли мужъ мой! Сколь посѣщаютъ его высокія идеи. И какъ я не примѣтила, что въ немъ борьба идетъ.

И еще радость: впервые, какъ съ ровней, заговорилъ. Нынѣ ужъ не кукла я, а ребенка его мать, вѣрный жизни сопутникъ.

Правду люди говорятъ: поспѣшишь, людей насмѣшишь.

---

15 августа 18...

«Идетъ наша жизнь легко и серьезно. Каждый своимъ дѣломъ досугъ наполняетъ, а лишь сойдемся—неумолчная бесѣда идетъ.

Maman приказали на дѣвичьей приданое готовить. И все съ голубой лентой: мальчика ждемъ.

Всѣ такъ и знаемъ напередъ. Одна Дуняша серчаетъ:

— Право, ваше превосходительство, вы женщины не молодыя, а того не понимаете, что съ голубымъ вашимъ цвѣтомъ Бога испытуете. А, ну, какъ дѣвочка?

— Въ нашей семьѣ всѣ первенцы маль-

чики,—говоритъ maman,—съ самаго съ Василія Темнаго.

И я съ ними согласна, однако, у меня иныя на то причины. Я такъ разумѣю, что отъ такого красавца да молодца, какъ супругъ мой, никакъ не иначе, какъ одни сыновья пойдутъ.

Ахъ, какъ же онъ мнѣ нынче милъ!

Какъ мнѣ ни шить, ни вышивать совершенно невозможно, то читать стала; сижу у окна съ романомъ, али стихами занимаюсь, и на дворъ гляжу, какъ мужики идутъ, работа кипитъ... Народъ нашъ все рослый да сытый... Къ вечеру коровъ гонятъ табунъ, а тамъ и самъ прискачетъ съ поля. Загорѣлый, сильный, на ворономъ жеребцѣ. Кажется, конь и всадникъ изъ одного куска вылиты, а спрыгнетъ легко такъ, поводья конюху кинетъ, да на крыльцо черезъ всѣ ступени. Знаю, что ко мнѣ, однако, видъ дѣлаю, что углубилась въ чте-

ніе. Подкрадется сзади, глаза ладонями мнѣ закроетъ—отгадай, молъ, кто. Какъ не отгадать, коли сердце играетъ... Засмѣюсь, говорю—мой возлюбленный.

Гулять идемъ: мнѣ безпремѣнно моціонъ прописанъ. Подъ руку возметъ, бродимъ по саду, обнявшись, и о своемъ бесѣду ведемъ, о намъ лишь однимъ вѣдомомъ.

Съ того дня, какъ безъ сознанія упала, все перемѣнилось. Сердпе его что-ли растаяло, въ дитя увѣровалъ.

Дружбу узнали и страсть истинную, какой не бывало въ медовый нашъ мѣсяцъ. Тогда порывистъ онъ былъ, подъ симъ хороня смущеніе, я же плакала.

Нынче темной ночью въ опочивальнѣ сходимся, точно пѣснюнѣжную поемъ въодинъ голосъ, страстнѣй и страстнѣй льются звуки ея.

Впервые лишь чувствую мужа столь цѣликомъ моимъ, онъ вошелъ въ плоть и кровь мою, и въ душу влилъ свою душу.

Порой, ежели одна сижу, отъ скуки Петю вспоминаю, и не стыдно мнѣ, лишь смѣшно. Какъ могла любить того мальчика, хотя нѣжнаго, но неловкаго, скорѣй товарища въ игрѣ, нежели любовника.

Думается, то была ошибка, столь мимолетная, что и пущаго грѣха въ томъ нѣтъ. Тосковала тогда по мужу, оно и случилось. Намедни въ одномъ романѣ прочитала, что весьма опасно оставлять мужу жену на долгій срокъ, ежели она въ тяжести. Иныя въ такомъ положеніи бываютъ безумными.

На прошедшей недѣлѣ съ изъявленіемъ почтенія пріѣзжалъ къ намъ сосѣдъ, графъ Нечаевъ, весьма любезный кавалеръ и тонко благовоспитанъ, хотя уже не первой молодости. Онъ баки носитъ, какъ то нынче въ моду входить стало, и одѣтъ по послѣдней картинкѣ. Недавно изъ Парижа. Разсказывать великій мастеръ. Много про чужія траны говорилъ, про французовъ, сколь

весело у нихъ, и сколь необыкновенная роскошь. Дворъ, что есть силы, танцуетъ, благодаря весьма любезному Буонапарте нраву. Однако же, каждый проходимецъ свободенъ и духъ революціи не гораздо унялся... Что баринъ, что лакей, одинъ другого ситоаеномъ величаютъ, и ужъ никакимъ образомъ даже по мордѣ съѣздить не дозволяется: вмѣняется въ преступленіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это народности прочія безъ крестьянъ да холоповъ своихъ живутъ, оттого и непорядки у нихъ: то межъ собой дерутся, то на другихъ лѣзутъ. Ихній царь весьма воинственваго характера, и народъ неспокоенъ. Однако, полная надежда имѣется на сего Наполеона... Уповаютъ, что къ рукамъ приберетъ, ибо упрямъ и геній имѣетъ особо властный. Правильно Арсеній выражается — ежели монарха кажинный день смѣнять, какой же отъ прочихъ дисциплины требовать возможно.

Слыхала, и у насъ о нѣкоей свободѣ поговариваютъ, будто не по христіански это—владѣть чужой душой. Однако же, мы съ мужемъ того не находимъ, ибо души всѣ равно Божіи, а рабочія руки съ поконъ вѣковъ дворянскимъ имуществомъ были.

Ахъ, еще крайняя ажитація у меня приключилась.

Графъ, хотя весьма ласково, осмѣялъ мою тюлевую косынку! Говорятъ,—ихъ совершенно носить бросили, а взамѣнъ лишь золотой либо крученаго шелка шнурокъ, и что талія, хотя на моемъ платьѣ на мѣстѣ, однако—много слишкомъ юбка широка. Ну, не велика въ томъ бѣда; изъ широкаго узкое во всякое время скроить возможно. Но ужъ насчетъ косынокъ досадно. Только на прошедшей недѣли три штуки изъ Москвы получила. Впрочемъ, могу горничной дѣвушкѣ подарить, а себѣ туалеты ужо справлю, только лишь отъ бремени освобожусь.

Послѣ обѣда maman почивать пошли и мужа староста отозвалъ. Мнѣ привелось графа занимать.

Я, понятно, на заграничныя темы;

— Что, графъ, весьма ли блестящи балы?

— Такой, — говоритъ, — шикозности въ Россіи и не нюхали при дворѣ даже самой Великой Екатерины.

— И очень туалеты хороши? Говорятъ, француженки экстравагантность любятъ?

— Это вѣрно. Парижанки весьма съ иными не схожи... Однако, сіе не рѣжетъ глазъ, очень все изящнымъ сдѣлать умѣютъ.

— И красивы онѣ?

— Ну, какъ вамъ доложить? Въ общемъ эффектность производятъ, но ежели въ отдѣльности разсмотрѣть, не то чтобы... Да позвольте быть откровеннымъ—такихъ глазокъ и этакого ротика тамъ не сыскать.

Понимая намекъ, я однако же спросила невзначай:

— Какихъ такихъ глазъ?..

А онъ съ коварнымъ видомъ:

— Какъ у нѣкоторыхъ русскихъ женщинъ.

— Разумѣется, и у насъ водятся красавицы.

— Особливо же тѣ, что супротивъ меня сидѣть изволятъ въ палевомъ платьѣ, съ голубой ленточкой.

Сей ударъ былъ прямикомъ направленъ — я должна была парировать.

— Да, — произнесла я церемонно, — можетъ статься и есть, но онѣ не привычны, какъ парижанки, къ подобнаго рода дерзостямъ.

Сказала и встала, всталъ и графъ.

— Помилуйте,—говоритъ,—въ чемъ же тутъ дерзость? Будучи художникомъ въ душѣ, восхищаюсь произведеніемъ Создателя.

Каково ловко свелъ на общую почву!

За симъ добавилъ:

— Et de plus, madame, si ma venèration vous offence, je suis pret a demmander pardon a jenoux *).

Игра сія мнѣ сугубо нравилась, но какъ до коленопреклоненія зашло, испугалась, чтобы кто не взошелъ, и, протягивая руку ему сказала:

— Je vous pardonne comme cela, mais s'il vous plais, n'en parlons plus **).

Графъ тотчасъ расхрабрился и отвѣтствовалъ, цѣлуя мою руку:

— Si cela me sera possible, sur l'honeur ***). Однако, вы — рѣдкія скромницы: мнѣ извѣстны высокопоставленныя особы, кои не

*) И за симъ, сударыня, если мое восхищеніе Васъ оскорбляетъ, готовъ просить прощенье на колѣняхъ.

**) Прощаю Вамъ и такъ, но, пожалуйста, не будемъ о семъ болѣе говорить.

***) Если это для меня возможно, клянусь честью.

прочь отъ комплиментовъ и даже не брезгаютъ иными пріятностями.

Признаюсь, что поцѣлуй руки весьма мнѣ былъ пріятенъ. Губы у графа мягкія и горячія, не смотря на порядочную сѣдину волосъ. И хоть были мы въ строжайшей и, можно сказать, горделивой позѣ, все-же глаза наши встрѣтились и многозначительно обмѣнялись взглядами. Тотчасъ графъ присовокупилъ:

— Скромность сія придаетъ вамъ вдвое прелести.

Въ сіе время вернулся мужъ и разговоръ принялъ дѣловой тонъ. Мужчины рѣшили обмѣняться семьями крѣпостныхъ, по причинѣ обоюдной выгоды.

Я же пошла къ себѣ пріодѣться для катанья въ моей новой коляскѣ. Арсеній для меня ее изъ Москвы выписалъ, находя, что старыя наши гораздо тряски въ моемъ положеніи.

25 сентября 18...

„Работы нынче окончились: пахоту съ плечъ свалили, лишь не отмолотились еще; Арсеній столь много изъ дому теперь бѣгать не станетъ.

Однако, у него книгъ многое множество, и давеча приводилъ оныя въ порядокъ. Говоритъ — въ строй поставилъ; ужели все прочитать сбирается? Сколь мужчины сильно занятія уважаютъ. Книги все толстыя, да печать такъ и чернѣетъ. Пробовала почитать, но скука такая, что нѣтъ возможности съ интересомъ слѣдить. Имена, да столбцы, а то еще нумера пойдутъ, не дай Богъ.

Одна книжечка нашлась вверху, старая, рваненькая, про Дафниса и Хлою. Однако, хотя до крайности занимательна, но совершенно непристойна; посему, по прочтеніи ея, забросила въ старый сундукъ. ибо неприлична для молодой женщины. Да и

Арсенію не для чего про соблазнительные предметы читать, доколѣ жена его въ тяжести остается и отъ того не столь ужъ авантажна.

Къ прискорбію моему примѣчаю, что Сеня не столь нѣженъ, какъ въ предыдущее время, и горячность его будто охдаждается. Maman утѣшаютъ, что все вновь вернется, лишь отрожусь. Разумѣется, и въ постоянномъ обиходѣ мы стали много серьезнѣй. Порой долгими вечерами нѣтъ-нѣтъ и зѣвнешь.

Какъ-то мои подруги живутъ? кто замужъ выскочилъ? кто въ дѣвкахъ сидитъ? Лишь полъ-года столицей попользовалась: вывозить меня изъ деревни маменька брали. Только къ баламъ пріобыкла — и замужъ. Хорошо, разумѣется, съ мужемъ жить, хозяйкой въ дому, а все — рано. Дѣвичьей воли нѣтъ и дѣти столь скоро пошли. Поплясала бы еще годокъ-другой.

1 октября 18...

„Ахъ! Вотъ не ждала! Маменька письмо прислали, гостинцевъ разныхъ и домашней смоквы нашей — чудесная смоква. Пишутъ маменька новость: Петя Донской изъ пипистолета застрѣлился. Паче-ли чаянья, а то себяубійство — никому достовѣрно не вѣдомо. Многіе говорятъ — отъ нещастной любви. Ужели за меня? Вотъ, грѣхъ! Я ему не стала писать, вѣрно — и загрустилъ. Жалко Петю, славный былъ мальчикъ... Впрочемъ, отъ судьбы не убѣжишь... Вотъ, не думала не гадала, что въ героини выйду.

Еще пишутъ маменька, что Нина, меньшая сестра, замужъ идетъ, блестящую дѣлаетъ партію. Женихъ — князь Запрожеской и милліонщикъ. Что-жъ, дай Богъ, я ей добра желаю; она, конечно, съ измальства прытка была, хотя меня признавали красивѣй. Каждому свое, а все же такой ловкости изумляюсь.

Насъ на свадьбу зовутъ, да несподручно мнѣ въ тяжести. Животъ сильно выросъ и ноги ходить не даютъ: пухнуть стали. Подъ ложечкой больно жжетъ. Ужъ скорѣй бы, а все страшно. Какъ помыслю, а что ежели умру? Вѣдь, бываетъ изродиться не могутъ. А то молоко еще въ голову бросается, помѣшаться можно.

Мученья то, говорятъ, какія! Иныя по трое сутокъ корчатся, не отпускаетъ Страшно мнѣ. Вотъ мужчины противные: жену нагрузитъ, самъ соколомъ гуляетъ. И за что это намъ, бѣднымъ, наказаніе.

Арсеній ласковъ со мной, а все думается—такъ, изъ сожалѣнія. Ну, гдѣ же этакую любить. Погляжу въ зеркало, противно; лицо вытянулось, губы сохнутъ, мѣшки подъ глазами, цвѣтъ лица испортился. А прежде то какой былъ—заглядѣнье.

Maman говорятъ: все вернется, даже противъ прежняго похорошѣю, лишь кормить

не надобно. А мужъ споритъ,—корми сама. Ему и роди и корми, все сама. Ужъ вѣрно матушка лучше знаютъ: у самихъ дѣти были.

Ахъ, порой все бы кинула, опостылѣли совѣты да разговоры. Не желаю кормить, молода еще, съ мужемъ въ Санктъ-Петербургъ поѣду, веселиться стану...

---

6 октября 18...

„Такъ и есть, знала, что не къ добру. Три ночи сряду совы въ окно трепыхались. И случилось. Однако же, окромя несчастія, великую мнѣ обиду нанесли.

Сижу это я тихо да смирно, на картахъ гадаю. Вдругъ дверь настежъ, бѣгомъ Аксинья ко мнѣ—вдова молодая, кдючница—да въ ноги.

— Чего тебѣ?

— Матушка, барыня,—кричитъ, — заступись за меня, горемычную...

Реветъ, ничего не понять.

— Тише,—говорю,—толкомъ скажи.

Кое-какъ допытала: замужъ просится за плотника дворового. Онъ, правду сказать, молодецъ...

— Отчего-жъ,—говорю,—барина не спросишь?

— Не дозволяютъ они.

— Не можетъ,—говорю,—быть... Вѣрно, ты не поняла. Мнѣ вѣдомо: баринъ завсегда браки поощряетъ.

— Другимъ велитъ, а мнѣ не дозволяетъ. Ужъ ты, барыня дорогая, заступись.

Снова реветъ, руки заломила, вотъ-вотъ биться станетъ въ припадкѣ.

— Отчего жъ,—спрашиваю,—тебѣ баринъ не дозволяетъ? Вѣрно, въ чемъ провинилась?

— Не могу повѣдать, убьете.

Тутъ ужъ меня въ сердце кольнуло, словно предчувствіе. Духъ забрала, спокойно приказываю:

— Говори, не трону.

— Что-жъ,—отвѣчаетъ:—и скажу... Все одно погибать, не отъ тебя, такъ онъ жизнь мою сгубитъ...

Да какъ крикнетъ:

— Полюбовница я его, вотъ что!..

— Что говоришь?

— Барина тваво полюбовница.

Я въ гнѣвѣ встала:

— Вонъ, мерзавка, чтобы духу твоего не было! Вѣрно говорила, сгублю, въ тюрьму засажу... Плетьми ее, плетьми... до смерти...

Голоса не хватило, упала въ кресло, вродѣ родимчика со мной: кричать не могу, только лишь въ судорогамъ бьюсь.

Ужъ больно скорбно сей ударъ мнѣ было перенесть. Я ли его не любила, я ли не вѣрила, всю душу на него положила. Я его ребенка ношу, мучаюсь, а онъ, негодникъ, любовницу завелъ, да еще изъ дворни... Каково мнѣ то! Теперь и на люди пока-

заться нельзя. Всякій знаетъ, что баринъ жену на холопку промѣнялъ.

Четверо сутокъ пролежала я: со мной вродѣ горячки было. Лекаря изъ губерніи призывали. Матушка день и ночь не отходили, зато Арсенія на глаза къ себѣ не пускала. Еле-еле maman меня уломали поговорить да простить.

Убивался онъ, какъ малый ребенокъ прощенья просилъ, въ ногахъ валялся.

Тварь ту, говоритъ, больно выдрали да сослали въ дальнюю вотчину.

Дѣвченка отъ нея осталась, лѣтъ двѣнадцати, мужа умершаго дочка. День бродила, говорятъ, какъ помѣшанная, по усадьбѣ, все выла—мамка, мамка. Словно собака на пожаръ выла, протяжно да жалобно. Ни ѣсть, ни пить не стала, а въ ночь въ рѣкѣ потонула. Кто то видѣлъ, какъ въ воду скользнула, думалъ — купаться, анъ скрылась и не выплыла вновь.

Особливо мнѣ ее не жалко... Холоповъ, слава Богу, достанетъ. Притомъ, какое ей сироткѣ житье? Однако, Арсенія долго сей смертью корила. Пускай чувствуетъ.

---

13 Октября 18...

«И писать нечего, тетрадь моя вѣрная. Изо дня въ день тожъ. Вовсе съ животомъ замучилась, ни одного порядочнаго платья не надѣть. И робость сильнѣй, какъ ближе къ родамъ. Ужели, ужели умру! По ночамъ жуть беретъ, не спится; никакъ не уляжешься, животъ мѣшаетъ и сонъ нейдетъ. Нынче врозь спимъ. Арсенія въ угловую прогнала; съ того случая близко къ себѣ не допускаю.

Вчера велѣла Дунькѣ спину растереть. Она возьми да такъ прижми, что въ животъ отдало. Я, право, осерчала, сѣла, да за волосы ее, что есть силы, оттрепала.

Впервой рукамъ волю дала, но, право, и не совѣстно. Противная дѣвка, никакой деликатности не соблюдаетъ. Не баба я ей и при томъ на сносяхъ.

---

1 ноября 18...

«Рано нынче зима настала. Снѣгъ выпалъ сегодня, поля покрылись словно бѣлой простыней. По первопутку Пермская наѣзжала. Тяжко лошадямъ, но она никакой жалости не имѣетъ: молодцовъ впрягла конямъ на подмогу. Сіе намъ весьма не по сердцу — неприличное ухарство.

Курьезная особа. Смѣется, словно мужикъ, и говоритъ вовсе не изысканно. Точно и не дворянка. Разбѣсила она меня.

— Вы, что-же,—говоритъ,—этакой горой выступаете, или тройней обзавелись?

Я такъ вспылила, что дерзостью отвѣтила, вышла и даже дверью хлопнула. За меня maman извинялись.

Арсеній тоже хорошъ. Браниться пришелъ: неприлично, молъ, на шутки дерзить.

А я ему:

— Ежели вы приличнымъ поведеніе этой сударки находите, то и ступайте къ ней. Она совсѣмъ не для дамскаго общества.

Онъ голову поднялъ.

— Лиза,—говоритъ и сурово притомъ,— я тебя не узнаю. Оставь сіи манеры, онѣ не идутъ къ тебѣ... Я упрямства не потерплю, иди и извинись.

Тутъ ужъ меня взорвало.

— Передъ хамкой этой извиняться стану? Я то, дочь генерала Корсакова! Да ни за что.

— Лиза, мнѣ придется принять болѣе строгія мѣры.

— Вамъ? Стыдились бы. Что-жъ, давно знаю, каковъ вы извергъ. Съ тѣхъ самыхъ еще конюховъ. Бейте, бейте жену свою, мало что оскорбили...

И стала со мной истерика. Рыдаю, душно мнѣ, и тоска непроглядная, остановиться не могу. Перетрэвожились всѣ, виски мнѣ трутъ, Арсеній руки гладитъ, прощенья проситъ. Maman прибѣжали, бранятся:

— Какъ же, Сеня, не совѣстно?.. Вѣдь, на сносяхъ, того гляди выкинетъ.

А я пуще кричу, какъ въ матушкѣ защиту нашла. Понемногу лишь успокоилась, какъ Дуняша доложила: — Пермская восвояси отправилась. И успѣла мужа заставить, слово далъ болѣе не принимать. Вотъ хлопотъ то надѣлала. Даже примѣтила — Арсеній, вокругъ меня стараючись, носомъ морщилъ, словно бы ему гадко, или досадливо. Что-жъ; Пусть помаются, не все мнѣ одной скорбѣть.

. . . . . .

. . . . . .

22 іюля 19...

Мнѣ грустно слѣдить Лизину жизнь, мнѣ грустно самому жить.

Она дерется, кричитъ, подурнѣла. Она любитъ Арсенія. Нѣтъ!—кричу громовымъ голосомъ: — она не любитъ его, это плоть кричитъ не Лиза.

Зачѣмъ такъ откровенна? Мнѣ тяжело... Я хочу тихую, до конца терпѣливую мученицу, безъ сознанія.

А, можетъ, все вернется, maman права? Неужто беременность коверкаетъ женскую душу, какъ тѣло.

А материнство знаменитое, льется лишь съ ручьемъ молока?

Я хочу надѣяться.

...У насъ тревожная тоска. Слишкомъ жарко, и горятъ людскія головы. На селѣ появились подозрительные велосипедисты. Третьяго дня нашли скверную бумажонку, отпечатанную лиловыми чернилами. „Не

смѣйте, молъ, дешевле сорока рублей убирать".

И гулъ на селѣ. Кучками собираются мужики, о чемъ то толкуютъ, не по своему, не медлительно: почесывая затылокъ, а быстро-быстро, хриплымъ шопотомъ.

Лягавый забросилъ дѣло, ходитъ хмурый; сама заперлась отъ зноя, зоветъ семью за границу,—боится вѣрно. Жирное тѣло труситъ.

Съ Варей рѣдко встрѣчаемся... Она скучаетъ, подурнѣла.

Пристрастилась къ лошадямъ, торчитъ цѣлыми днями въ конюшнѣ, несмотря на жиръ, ѣздитъ съ кучеромъ верхомъ.

Я начинаю наблюдать. За время страсти жилъ въ пьяномъ туманѣ. Теперь мнѣ Варя стала безразлична: ни зла къ ней, ни сожалѣнія...Она—ноль, пустое пространство.

Вижу, что то происходитъ новое у насъ и извнѣ. Всѣ на сторожѣ.

Кстати, пора убираться отсюда, не могу дольше быть дармоѣдомъ. Арсеній не желаетъ учиться. Онъ ѣздитъ верхомъ и тройкой на бѣговыхъ дрожкахъ, во весь опоръ, заморилъ не одну лошадь. Говоритъ:—мыслей боюсь, ѣзда дурманитъ.

На-дняхъ ходили къ ригѣ; со мной Арсеній и Леша. Подошли незамѣтно. У скирды мужикъ трубку раскуриваетъ, искры летятъ.

Хотѣлъ крикнуть, но вижу, Арсеній съ перекошеннымъ лицомъ выбиваетъ кулакомъ трубку у мужика. Все лицо въ кровь...

Остальные, что̀ валялись, вскакиваютъ, на насъ наступаетъ толпа съ угрозой.

Признаюсь, мнѣ было не по себѣ. Уже поднимались вилы.

Арсеній на меня оцирается, едва слышно говоритъ:

— Мнѣ дурно.

Ни кровинки въ лицѣ, пальцы холодные.

Съ нимъ, дѣйствительно, дурно. Остается только положить на землю и защищать. Хочу говорить, но Леша уже среди нихъ.

Прислушиваюсь.

— Гдѣ разумѣнье ваше, мерзавцы... (отчаянное ругательство). Не видите, что ли? Онъ и ваше точно также сожжетъ! Ослы безмозглые: своего добра не жалко? Да такого въ тюрьму, въ Сибирь его, подлеца! Бить его!

Гулъ одобренія. Внезапно толпа поворачиваетъ. Мужики бросаются на курильщика.

Тутъ ужъ ничего не различишь: живой, движущій комокъ, реветъ горловымъ гололосомъ. Это огромный дикарь, варваръ, напавшій на бѣднаго туземца.

Но Леша—какъ онъ понимаетъ ихъ слабыя струны! Я собирался говорить о долгѣ и правѣ, онъ живо поднялъ драгоцѣнный шкурный вопросъ.

Еле-еле упросили оставить несчастнаго.

Синій, въ крови, поднялся, съежившись, какъ затравленный звѣрь, добрался до телѣги и во всю мочь погналъ въ полѣ, почемъ зря, въ противопожную селу сторону.

— Куда онъ?

— Ошалѣлъ!—отвѣчали съ хохотомъ: — Баринъ, пожертвуй на водку.

— А вотъ обмолотите—дамъ, не пожалѣю... Перепивайтесь тогда.

— Ну, спасибо.

Мы подняли Арсенія. Онъ былъ слабъ, но въ сознаніи.

Леша грубо замѣтилъ:

— Трусъ поганый.

Братъ лишь нервно повелъ плечами. Молча дошли.

Сеня кликнулъ Ниночку. Они ушли въ садъ. Незамѣтно для меня возникла эта дружба; въ ней что то печальное. Нина точно преображается, когда видитъ брата, а то мрачна, какъ туча.

Бѣдная дѣвочка, я забросилъ тебя, но теперь не смѣю подойти: вѣрно, презираешь пустобреха.

---

3 августа 19...

Сойду съ ума, если хоть минуту еще останусь здѣсь. Это позорный домъ... можно погрязнуть въ порокѣ.

Теперь понялъ любовь Варину къ лошадямъ.

Въ сумерки проходилъ мимо конюшни.

Голоса: Варинъ и грубый мужицкій. Въ этомъ домѣ я научился подслушивать.

— Нѣтъ, ты мнѣ сію минуту выкладывай двѣ четвертныхъ.

— Нѣтъ сейчасъ, говорю... Больше дамъ, какъ отъ мужа получу.

— На эфтомъ самомъ мѣстѣ давай! Не то пойду, все папашѣ доложу. Мнѣ что— не крѣпостные...

— Ѳедя, голубчикъ, не говори, ей Богу

тысячу дамъ. Ну, хочешь пока золотые часы?

— Давай...

— Ну поцѣлуй меня, Ѳеденька:—говоритъ знакомымъ страстнымъ шепотомъ, чуть хриплымъ...

— Уйди, говорю, уйди, Варвара,—онъ безъ стѣсненія кричитъ,—липнешь, какъ банный листъ... опыстылѣла...

— Служить тебя возьму, за какое хочешь жалованье.

— Ступай прочь.

Слышу мягкій ударъ, заглушенный вздохъ. Изъ конюшни бѣжитъ Варя. Она не замѣчаетъ меня.

За столомъ Варя дѣловито просила у отца сто рублей, пока мужъ пришлетъ. Не далъ. Нѣтъ, говоритъ, онъ не банкирская контора.

Я посмотрѣлъ на нее пристально—не дрогнула.

Поздно ночью ходилъ по балкону, не спалось. Точно кошка прыгнула Варя изъ темноты, повисла у меня на шеѣ.

— Голубчикъ, одолжи сто рублей, долгъ заплатить брату...

— Не брату — кучеру, — вырвалось: — дрянь, уходи отъ меня.

— Ты... ты... знаешь?

Отпрянула, вздохнула, тихо прочь пошла, точно побитая собака.

Окликнулъ.

— На, возьми.

Далъ таки сотенную, чего то жалко ее стало.

Низкая она или больная? Они всѣ больны плотью своей, и Лиза тоже. Лиза первая и передала имъ немощь.

Я хочу прочь отсюда, мнѣ больно, здѣсь умираетъ мой вольный духъ. Но сроссся съ ними и съ прошлымъ этого дома.

Лиза держитъ меня и нынѣшнія сковали.

Теперь понимаю Ниночкины слова: „мерзость... она притягиваетъ“...

Я боленъ чужой болѣзнью, они заразили меня проказой духа; чувствую, какъ отваливаются гніющія его части. Но вижу, что не уйду, пока не рухнетъ домъ и не придавитъ жизнь и воспоминаніе.

---

9 августа 19..

Вянетъ садъ, по землѣ листья тонкимъ слоемъ ложаться, но не сняли еще уборъ свой деревья, они живы, хотя сожжены. Желтыя листья, словно громадныя бабочки, понемногу слетаютъ. Сегодня Нина ко мнѣ прибѣжала; какъ маленькая дѣвочка, зарыла голову въ колѣни, плакала, убивалась.

— Что ты, что ты, Ниночка?

— Спасите, голубчикъ,—лепетала, всхлипывая:—не могу больше такъ, уйти хочу...

— Да въ чемъ же дѣло то?

— Все опротивѣло, жизнь и люди, и любовь моя...

— Къ кому любовь?

— Сеню, брата люблю. Онъ душу свою разсказалъ... Думала, родной мнѣ, а у него дѣвки пьяныя въ комнатѣ...

Рыдала, тряслись худенькія плечики. Я взялъ на колѣни ее, тихо гладилъ, покой призывалъ.

— Слушай, Ниночка, всюду трудно жить, весь міръ полонъ ужаса. Но я возьму тебя, мы уѣдемъ съ тобой, станемъ одни жить, твердо и чисто. Хочешь, дѣвочка?

— Слова, одни слова,—уже спокойно говорила Нина. И глубокая трагедія звучала въ голосѣ:—одно есть спасенье...

Мысль о смерти пронизала мое сознаніе.

Она встала, прямая, холодная; глаза высохли, она казалась очень взрослой.

— Прощайте,—сказала тихо.

— Ты спать?

— Да.

— Я провожу тебя.

Привелъ въ дѣтскую, тамъ оставался, пока не упеглась.

Перекрестилъ.

Я видѣлъ двѣ яркія звѣзды, когда дверь за собой закрывалъ: онѣ провожали меня.

Глаза такіе могутъ быть лишь въ минуту сверхчеловѣческаго подъема.

Я рѣшилъ не спать до утра, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Чтобы не забыться, взялъ тетрадь Лизы—докончить; оставалось всего нѣсколько листковъ. Не дрожали руки, какъ прежде, не испытывалъ сладкаго умиленія. Лиза и тѣ, что со мной живутъ, ужъ не волновали меня, потому что я вошелъ въ ихъ жизнь, болѣзнь ихъ—стала моей. Мы равно безумны и понимаемъ другъ-друга.

6 ноября 18..

„Одна утѣха—ты, моя подруга. Всѣ совокупно обижаютъ бѣдную Лизу—судьба и люди. Нынче бабку звали, сроки узнавать. Поглядѣвши, потискавши, говоритъ—никакъ не болѣе, какъ черезъ двѣ седьмицы. Не доживу, со страху умру, не по силамъ мнѣ, горемычной, рожать. Знаю, знаю, послѣдніе мои денечки настали. А все—Арсеній! И зачѣмъ замужъ шла, зачѣмъ волю покидала.

Въ дому чистка идетъ; къ родамъ украшаютъ. Это въ ихъ семьѣ такъ водится, чтобы мальчикъ былъ, вродѣ какъ бы наслѣднику встрѣча.

А то чудится мнѣ, къ похоронамъ моимъ готовятся, только что зеркала не занавѣшаны.

Арсеній спрашиваетъ:

— Чего хмурая?

— Рожать,—говорю,—не хочу.

А онъ:

— Не маленькая, Лиза... Должна понимать, что не въ хотѣньи дѣло.

— Хорошо тебѣ, удовольствіе получилъ, да сына въ придачу. Да еще дождаться не могъ, пока жена оправится.

Покраснѣлъ, губу прикусилъ.

— Чего глядишь? Вѣрно говорю,—осерчала.

Не сдержался, за руку крѣпко взялъ да говоритъ, мѣрно и злобно такъ;

— Ежели,—говоритъ,—ты эти грубыя манеры не оставишь, отправлю тебя къ роднымъ. Опостылѣло слушать капризы твои, изо дня въ день хуже. И не пристало женѣ моей такъ выражаться.

Я вырвалась, къ себѣ ушла, въ горницѣ заперлась. Къ ужину не выходила, а онъ и не спосылалъ за мной. Maman лишь прислали рыжиковъ соленыхъ, да котлетку съ трюфелями.

Поѣла, и зло отошло; вдобавокъ слышу

громкій разговоръ въ залѣ. Выхожу—думаю, какъ бы это съ мужемъ примириться чтобы, однако, унизительно не вышло.

А онъ, словно бы сцену ту позабылъ, ко мнѣ идетъ, взволнованный, руками машетъ и говоритъ:

— Вообрази себѣ, Лиза, сколь несдержанны люди бываютъ въ подлости своей... Вовсе дворянское достоинство забываютъ... Тетка наша Пермская любовника держала изъ дворовыхъ, а тотъ, негодяй, еще дѣвку имѣлъ. Дѣвка та отъ него родила... Барыня провѣдала, ребенка щенкомъ замѣнила, младенца же велѣла живымъ зарыть.

На меня отъ сихъ словъ дурнота нашла, отъ подобнаго происшествія. И страшно и гадко. Однако, злобу ея понимаю—разумѣется, будь онъ не холопъ.

Такъ о своей ссорѣ и не поминали, весьма разговоровъ много про непристойную тетку вели.

Къ серединѣ дня Бойковы наѣхали—мужъ генералъ, старый ужъ, и жена его, весьма достойная особа.

Вотъ—человѣкъ,вотъ—рыцарь, словно бы изъ англійскаго романа. Какъ съ супругой своей обходится, ничего для нея не пожалѣетъ! Превесело время провели. Разсказовъ сколько сказывалъ про матушку Екатерину, про то, сколь дворъ ея пышенъ былъ и строгъ. Этикетъ полюбила весьма къ концу своей жизни и его, Бойкова, за нечищенныя пуговицы собственноручно больно за уши отодрать изволила.

Много и про любимцевъ ея говорилъ, сколь баловала и сколь каждый на подобное щастье надежду имѣлъ.

Какъ стали домой собираться, на крыльцо вышли, кучеръ подаетъ. А они въ каретѣ—въ тяжеленной, шестерней запряжена. Кучеръ это подкатилъ, да чуточку подножкой отъ крыльца впередъ, подальше угодилъ.

— Что жъ это ты, Никита,—Бойковъ говоритъ:—моей Марѳѣ Семеновнѣ и подать-то, какъ слѣдуетъ, не можешь.

— Дозвольте, ваше превосходительство, въ повторную разогнаться?

— Изволь.

Тронулъ кучеръ, во весь духъ вокругъ двора обкатилъ, и къ самой серединкѣ крыльца, точка въ точку, осадилъ, да такъ сильно, что кореннику—спину пополамъ.

Что-же генералъ сказать изволилъ? Осерчалъ, что-ли? То-то и есть, что нѣтъ.

— Молодецъ,—сказалъ и въ ладоши захлопалъ.

Сама Марѳа Семеновна лишь только весьма о томъ сожалѣла,

Ну, лошадь, Арсеній свою одолжилъ, перепрягли, уѣхали. Тогда я мужу и говорю:

— Вотъ, учитесь, какъ съ женою рыцаремъ быть.

— Слѣдующій разъ — смѣется: — всѣмъ лошадямъ спины переломать прикажу".

---

24 ноября 18..

«Тихо въ дому, къ вечерней службѣ звонъ. Матушка съ Сенечкой въ церковь пошли, Богу молиться за меня и за Сережу.

Вѣдь, онъ родился, мальчикъ мой, родненькій... возлѣ меня лежитъ... насосался и спитъ, посапываетъ. Третьяго дня родился. Ужъ и намучилась же я съ нимъ! Наканунѣ схватило, боли-то какія,—то мучитъ, то отпуститъ; сильнѣй, да сильнѣй. Къ утру бабка пришла,—изъ благородныхъ она, захудалаго чиновника вдова.

Пришла, на всѣхъ кричитъ, распоряжается, все ей не такъ: кувшиновъ мало, ростын и по иному сложить велитъ.

Зачѣмъ, говоритъ, мужу сказывали? Не къ чему мужчинамъ знать,—оттого муки

сильнѣй. Не до того мнѣ было. Ходить приказываетъ, а мнѣ еле въ моготу. Однако, съ помощью матушки черезъ силу разъ-другой горницу прошла.

Промежъ болей спрашиваю:

— Что Арсеній? вѣрно, спитъ?

— Какое тамъ! Ни живъ ни мертвъ въ столовой сидитъ.

Мнѣ сіе пріятно было, но сдѣлала видъ, будто серчаю.

— Пусть его спать ложится... Рань то какая!

Долго все же говорить не могла; такъ схватило, что мочи моей не стало. Какъ закричала, да такъ и не переставала, доколѣ родила. Помню въ кресло посадили: —тужься, говорятъ.

Гдѣ тамъ тужиться, ежели и безъ того смерть пришла.

А онѣ все—натужься еще маленько.

Сколь долго промучилась, того не помню.

Только рѣзь такая стала, что вижу чувствія оставляютъ... Ну, думается, помираю... И слава Богу—ни минуточки болѣе того страдать не могу.

А онъ то въ это самое время и родился, Сереженька мой. Сія послѣдняя мука ради него была.

Разомъ полегчало.

На постель положили. Вижу, свѣчи зажжены.

— Мальчикъ-ли?—кричу.

Maman отвѣтствуютъ.

— Съ внукомъ меня поздравь.

Убрали меня и ребенка даютъ.

— Какой же,—говорю,—крошечка.

— Авось выростетъ.

Мужа впустили.

Входитъ на цыпочкахъ, шепотомъ говоритъ:

— Поздравляю Лизочка, съ благополучнымъ разрѣшеніемъ и за сына благодарю.

И футляръ мнѣ суетъ. Открываю—подвѣски изумрудные, пребольшущіе, и такая жъ точно съ брилліантами брошь.

Ослабла—едва поговорила, какъ сонъ одолѣваетъ. Арсеній сторожить желалъ, чтобы королевича нашего со двора не свезли, да его услали: покой, молъ, родильницѣ нуженъ.

Однако, лишь проснулась, бурей влетѣлъ.

— Тебя — говоритъ,—и поцѣловать не дали, золото мое!

Руки захватилъ и ну—цѣловать, въ самыя губы угодилъ.

Смѣялись мы съ нимъ и страху моему прошедшему, и сынишкѣ, и жизни всей.

Славно было... на душѣ покойно, всѣхъ послѣднихъ дней досада прошла.

На другой день кормить стала. Другой отдать, бабѣ какой, да ни за что на свѣтѣ! Чтобы сокровище мое у чужой груди засыпало? Что maman ни говори, сама кормить стану.

Первый разъ его къ груди прикладывать стали, Арсеній самъ поднесъ. А груди набухли: очень я молочна.

Больно и щекотно. Впередъ не бралъ... Послѣ почуялъ, въ чемъ дѣло—какъ ухватитъ губками, да изо всей мочи давай сосать!

И смѣшно мнѣ и сладость неизъяснимая. Новое, доселѣ непонятное, блаженное чувство, когда изъ груди молоко въ моего мальчика переливается. Арсеній смотритъ на насъ, улыбается, гордый такой. Еще бы не гордиться,—вѣдь, и онъ то къ сему происшествію, кажись, не чужой.

Взоры наши встрѣтились. И такой огонь проникъ отъ одного къ другому, томный и съ силой новой, невѣдомой, но нынѣ уже ясной, съ такимъ счастья своего разумѣніемъ, какого доселѣ не бывало.

Отецъ—онъ, а я мать; навѣки истинно связаны живымъ существомъ.

За симъ мальчика окрестили—въ честь дѣда—Сергѣемъ, и ужъ не стали отъ меня уносить. Коротаемъ съ нимъ дни и ночи, и, хоть говорить не можетъ, однако, одинъ другого понимаемъ.

Знаетъ отлично Сереженька, что у мамы груди набухли, и сама чувствую, когда дитя голодно...

Вотъ оно щастье-то".

---

22 декабря 18..

«...Нежданно-негадано горе какое! Арсенія въ полкъ отзываютъ. Война открылась съ французомъ, самъ Государь въ походъ собирается.

Опасности, Сеня говоритъ, нитоликой, ибо въ царскомъ штатѣ приписанъ будетъ, значитъ, при государѣ состоять. А Онъ, батюшка, на самаго врага не полѣзетъ: родинѣ нуженъ и для славы ея.

Плакать вздумала, да мужъ стыдитъ: — какъ, де, не стыдно, ежели я царю и отечеству служить иду. Да, можетъ статься, съ отличіемъ вернусь!

Слезы въ себя загнала. Что сдѣлаешь, ежели долгъ ему велитъ. Я нынче тоже слово сіе разумѣю,—ему долгъ служить, мнѣ солдата ростить. На все воля Божія.

---

3 іюля 18..

«...Полъ года не открывала тебя, любезная тетрадь, подруга моей юности. Нынче нашла, совѣстно стало, дай съ тобой побесѣдую.

Живемъ мы снова съ матушкой, однако, совсѣмъ по иному: Сережа—у насъ. Прошлымъ годомъ въ утробѣ лишь былъ, нынче мальчикъ на волѣ ростетъ. Большой сталъ улыбается и по мнѣ ужъ кой что лепечетъ. Другіе не понимаютъ, одна я лишь слышу.

День цѣлый съ нимъ вожусь, то кормить, то купать. И во всемъ щастье нахожу небывалое, что ни день, новое. Содрогаюсь вся, на ребенка глядючи, какъ онъ голенькій на подушкахъ рученками барахтается. Радость моя!

Мужъ далеко: въ походъ пошли. Пишетъ, что подвигаются помаленьку, и чтобы не скучала. А все больше про сына толкуетъ: береги, чтобъ, когда вернусь, большой былъ да здоровый.

Жалко мужа... Лучше бы дома былъ, но забота моя скучать не даетъ: — Сережа, да Сережа. Весь въ отца, глазищи огромные.

Ласки его голову кружатъ. Какъ рученкой за лицо станетъ трепать, такъ, кажется, и задушила бы: въ себѣ, вѣдь, носила.

А сосетъ то какъ — силачъ, право. Грудь всю оттянулъ и кусается. Порою больно

до слезъ, но чудное чувствіе грудь ему давать.

---

12 февраля 18..

«...Прости, подруга, что забываю тебя, иная у меня забота. Не дѣвочка ужъ—мать, не о томъ думаю, да и времени нѣтъ. Не такъ давно отъ груди отняла. Кричалъ бѣдняжка дня три; отъ меня спрятали, чтобъ отвыкалъ. Сердце мое разрывалось отъ плача его. Такъ бы и кинулась къ нему. Но и сама хворая ходила; гораздо больно, когда молоко перегораетъ.

Нынче поуспокоился, кашку сталъ кушать. Однако, меня не забылъ; какъ вошла—улыбнулся, залепеталъ.

Ахъ, нянюшка купать зоветъ! Видишь-времени нѣтъ.

. . . . . .

Между чтеніемъ.

Спасибо, спасибо, Лиза, я обрѣтаю тебя. Значитъ, правда, то былъ лишь бредъ больного животнаго...

. . . . . .

1 мая 18..

Сегодня сама къ тебѣ иду, тетрадь, — соскучилась. Весна пришла, но не радость съ ней, а меланхолія. Тоска чего-то подступила. Какъ мальчика отняла, съ той поры загрустила. Впередъ похворала—жаръ поднялся; съ того времени тоскую.

И какъ бывало послѣ свадьбы, лишь одна оставалась, знойно мнѣ и томитъ.

Какъ тогда, по ночамъ горю, сны такіе вижу, что лучше-бы и не спать. Истомишься вовсе, а вмѣстѣ по вечеру мечтаю: увижу ли вновь подобный сонъ?

Арсеній все пишетъ про сына.

Что ему сдѣлается? Уходъ, понятно, такой, что лучше и не придумаешь; мальчикъ здоровый: да и maman за нимъ присматриваютъ. Не могу же я цѣльными днями съ ребенкомъ сидѣть. Это самое дѣло для бабушки.

А я женщина молодая и помечтать охота и себя убрать.

Порой про Арсенія думаю. Хочу его себѣ вообразить и не могу. Лицо его изъ памяти вонъ; помню: большой, черноволосый, а больше—не помню.

Да и иныя занятія есть, окромя сувенировъ. Съ визитомъ поѣхать, у себя сосѣдей принять.

Я снова похорошѣла. Противъ прежняго даже лучше стала: легонько полнѣе и вся будто расцвѣла, и глаза блескъ новый имѣютъ. Недаромъ сосѣдъ нашъ графъ Нечаевъ зачастилъ, да на меня любовно поглядываетъ. А какъ въ аллеѣ идемъ, все норовитъ ручки цѣловать.

Что-жъ, порой и позволю; оно пріятно и бѣды въ томъ мало; пустое развлеченіе и для замужней женщины вполнѣ позволительно.

Все говоритъ, что съ моей красотой грѣхъ въ глуши сидѣть. Поѣзжайте, говоритъ, въ столицу, а для безопасности буду самъ васъ сопровождать.

Что-жъ, ежели очень заскучаю, можетъ и соберусь сестру навѣстить. У нихъ, говорятъ, блестящее собирается общество, а графъ увѣряетъ, что я то ужъ въ грязь лицомъ не ударю. Надобно, пока молода, и людей посмотрѣть и себя показать, а ужъ въ компаніи сего рыцаря и вовсе пріятно"...

. . . . . .

. . . . . .

На этомъ Лиза замолкла.

Что дальше—загадка для меня. Неужели?..

---

10 августа 19..

Да, я уснулъ тогда, окончивъ Лизину тетрадь, мечтая, уснулъ. И совершилось то, чего никто не ожидалъ и всѣ должны были знать.

Нина не пожелала жить.

Сегодня утромъ ее нигдѣ не было; никто не искалъ, да все равно было уже поздно.

Къ полудню мужики, что рыбу удили, замѣтили трупъ дѣвочки въ рѣкѣ.

Узнали барышню, подняли крикъ.

Принесли посинѣвшую Ниночку.

Что могу сказать объ этомъ? Есть ли слова на человѣческомъ языкѣ для выраженія тихаго ужаса, когда липнутъ къ вискамъ волосы и чувствуешь лишь безсмысленность жизни и безобразіе смерти.

Зачѣмъ жила, и зачѣмъ убилась?

Отъ насъ ли умерла?

Или платила неизбѣжный долгъ той

дѣвочкѣ, что кричала такъ протяжно: — „мамка!“

Эти двѣ смерти сливаются въ моемъ представленіи; черезъ пространство ста лѣтъ я слышу жалобное „мамка“, и кричитъ это Нина.

Или въ судьбу вѣрить? Суждено ей? Лишняя была?

Неужели искупала грѣхи всего рода?

И правда, Нина была какъ мученица, казалась—не отъ міра сего. И слишкомъ умна, чтобы жить, какъ всѣ.

Въ домѣ тяжелое молчаніе. Подавлены безобразнымъ горемъ, когда нѣтъ оправданія, когда совершаешь преступленіе, продолжая жить.

---

11 августа 19..

Нина оставила записку для меня! Умирая, мстила роднымъ молчаніемъ.

„Петру Петровичу“—стояло на запечатанномъ конвертѣ,—„моему единственному другу“.

Нина пишетъ, что отъ ужаса жизни смерть предпочла, тамъ Бога видитъ.

Я гордъ, что Нина со мной говоритъ.

Родные просили письмо. Не далъ.

Но не выдержалъ: глупѣйшую рѣчь сказалъ. Я говорилъ имъ о морали, о томъ, что грязью своей сгубили ребенка; разсказалъ, какъ мучилась Нина, и Лягавой бросилъ въ лицо обвиненіе.

Она забыла о горѣ: принялась меня бранить.

Отецъ всхлипывалъ... Сквозь стоны его различалъ:—„баре, паскудные... пали, пали мы“...

Варя не выходила и Сеня былъ наверху. Леша одинъ распоряжался.

Взятку сунулъ попу, чтобы слухъ замялъ о самоубійствѣ; заказалъ гробъ, склепъ

открылъ. Леша плакалъ, былъ прилично печаленъ, но твердъ.

Вечеромъ я къ Арсенію постучался. Впустилъ.

— Поди, простись.

Не отвѣчалъ, не двигался.

Очень ли страдалъ, или не находилъ въ себѣ достаточно муки?

Ночь цѣлую я просидѣлъ у гроба. Монашка читала псалтирь. При неровномъ блескѣ свѣчей,—скорѣй темно... Въ окно трепыхается запоздалая сова; все нѣ складно теперь... Глядѣлъ на покойницу. Она казалась много старше, распухла, была некрасива. Одинъ глазъ не совсѣмъ закрытъ, полуоткрытъ и ротъ, безобразный, съ синими губами.

Только руки и волосы сохранили живую красоту. Прозрачно розовые пальчики мирно покоятся на груди, въ нихъ серебряное распятіе; вокругъ головки большими локо-

нами, мѣшаясь съ бѣлыми розами, какъ ореолъ, горитъ темное золото волосъ. Зыбкія тѣни играютъ въ немъ, точно торопясь— до восхода солнца.

Тихо, чуть слышно разсыпаетъ монашка псалтирь, равнодушно... Но чудится мнѣ: важнѣе всего, что псалтирь утѣшаетъ Нину, провожая въ тайную жизнь.

Куда то понесетъ Бога найденнаго!

Такъ мирно коротали мы ночь: я, покойница и монашка.

Но, вглядываясь въ полутьму, я видѣлъ много лицъ, что приходили отдать послѣдній долгъ усопшей.

Осторожно позвякивая палашемъ, пришелъ Арсеній,—у него глубокая рана на шеѣ. Надо Лизѣ отдать справедливость,— онъ красивъ и лицо его пріятно. Почтительно, съ ироніей въ глазахъ приложился ко лбу усопшей. Искоса на меня поглядѣлъ: что, молъ, за посторонній втерся

въ семью. Кивнулъ въ темноту. И оттуда вышла дама, молодая, черноволосая, черноглазая, тонкая, женщина-змѣя. Я не узналъ ее. Потомъ сообразилъ — Варя. Но какъ попала въ общество умершихъ? И тутъ не преминула порисоваться! Нарядилась въ чье то старое платье: на ней бѣлая туника, подвязанная подъ грудью толстымъ золотымъ шнуромъ съ кистями. И причесалась противъ обыкновенія гладко, низко связавъ волосы узломъ; большой брилліантъ сверкаетъ на обручѣ, у самого лба.

Она тоже взглянула на меня и чуть-чуть улыбнулась, шаловливо и грустно. Казалась гораздо красивѣй въ таинственномъ сумракѣ, величественнѣе; походка у ней плавная, точно у королевы.

За ней Петя пришелъ, съ черной ранкой во лбу, и дѣтскими губами своими поцѣловалъ у Ниночки ручку.

Гробъ окружила толпа незнакомыхъ приз-

раковъ. Должно быть, родня; многихъ не знаю. Межъ ними замѣтилъ maman... Она совсѣмъ сгорбилась, постарѣла; ее подъ руку вела старая дѣвушка,—„крѣпостная“, значилось у нея на груди.

Даже графъ Нечаевъ явился, но теперь увивался за Варей: видно, ему все равно, лишь бы молодая женщина, и скорбное мѣсто не въ счетъ.

Только Лизы не было среди нихъ, не пришла правнучку почтить. Почему? Мнѣ обидно стало: этого ужъ отъ Лизы не ждалъ.

Они запѣли хоромъ тихій псаломъ... Мнѣ стало радостно, что такъ торжествуютъ Нину.

Далекій крикъ пѣтуха разогналъ всѣхъ. Я вздрогнулъ и взглянулъ въ окно. Чуть начинался разсвѣтъ. Монашка читала псалтирь, и Нина, мертвая, покоилась недвижно въ гробу.

Я вышелъ въ садъ и остановился у плетня. Долго глядѣлъ на пустынную деревню. Вотъ увидѣлъ, какъ въ предразсвѣтномъ туманѣ изъ одной избы вышли два человѣка. Осмотрѣлись и шмыгнули куда-то задами. Успѣлъ различить, что не крестьяне: одѣты по городскому. Потомъ изъ той же избы вынырнули человѣкъ пять мужиковъ и, молча, разбрелись по селу.

Мнѣ показалось страннымъ... Рѣшилъ было сказать, но забылъ.

Когда къ дому вернулся, у крыльца стояла коляска, выносили вещи.

— Кто уѣзжаетъ?

— Молодая барыня.

Вышла Варя въ дорожномъ платьѣ.

— Куда? передъ похоронами!..

— Не хочу видѣть. У васъ тутъ можно помѣшаться.

— Можно.

— Прощай.

— Постой... Зачѣмъ приходила ко гробу въ маскарадномъ костюмѣ?

— Ко гробу? Я не была тамъ.

— Не лги, самъ видѣлъ...

— Я же говорю — здѣсь сумасшедшій домъ.

— Ты надолго?

— Думаю, навсегда.

Мнѣ стало чего то жаль.

— Никогда не увидимся?

— Лишнее.

Уѣхала—я рукой махнулъ.

---

15 августа 19..

Нину хоронили. Никого чужихъ не было, кромѣ одной старой тетки, слѣпой, хромой на одну ногу. Грязная старушенка, одѣта наполовину по крестьянски, на крючковатомъ носу дрожитъ черная капля.

Исчадье ада, наши грѣхи скопились въ ней. Спросилъ:

— Кто такая?

— Дальняя родня... Помѣщица здѣшняя, когда то богаты были... самодуры. Эта послѣднее проживаетъ. Опустилась, изъ ума выжила.

— По имени какъ? — спросилъ, содрогаясь.

— Нѣкто Пермская.

Имя ударило въ сердце. И эта жива, старая знакомка. Изъ гроба, тоже встала, да ночью опоздала.

— Обожаетъ хоронить,--объяснилъ кто-то.

— Знаю старую вѣдьму... Живьемъ дѣтей погребала...

— Что?

Но успѣлъ опомниться.

— Ничего, такъ, не выспался.

Что то пѣли и говорили попы.

Молча стояли мы, самой не было.

Гдѣ Варя?—спросилъ отецъ.

— Уѣхала съ утреннимъ.

Это, словно послѣдній ударъ, заставило его плакать. Очень-ли обидно показалось, или предлога искалъ, только разрыдался горестно, по старчески.

И такимъ дряхлымъ показался мнѣ: точно больше ста лѣтъ прожилъ.

Я видѣлъ, какъ порывался Арсеній къ нему, дрожа и руки ломая, и вдругъ рухнулъ въ ноги отцу, молча моля о прощеніи.

Тотъ, не понимая, гладилъ его волосы и вмѣстѣ пошли отъ гроба.

Пошли и мы.

На дорогѣ, что вела къ дому, стояли человѣкъ шесть мужиковъ. Сразу замѣтилъ угрожающій видъ. Они преградили намъ путь.

Арсеній вспылилъ.

— Чего лѣзете? Видите, съ похоронъ.

— Намъ что,—заговорили разомъ: —не родное дитя... Небось ей земли то далъ... заморили, да въ землю. А насъ сколько годовъ морили! Давай земли!

— Какой земли? — стоналъ Лягавый: — Леша, Леша, поговори...

— Говорить?—гаркнулъ Леша:—пшли...

— Такъ-те и пшли, — заоралъ высокій дѣтина: — давай земли.

— Ну, ну, ладно,—заговорилъ Леша спокойнѣе,—идите въ контору, обождите тамъ.

Они послушно повернули, только ворча въ бороду.

Быстро пришли мы въ домъ.

Сѣли въ ожиданіи Леши. Ждали тревожно, молча.

Когда вернулся, начинало темнѣть.

Леша приказалъ отцу съ матерью уѣзжать; была опасность. Пусть Арсеній проводитъ, онъ же не покинетъ усадьбы.

Само собой вышло, что Леша командовалъ; приказчикъ обращался прямо къ нему.

Наскоро уложились... Спѣшно уѣхали, съ ними Арсеній.

Меня звали, я отказался. Не могъ уѣхать, сроднился съ домомъ. Не могъ въ тревожную минуту оставить темныя комнаты, заросшія вокругъ столѣтними липами, ветхія стѣны держали меня. Жалко было насиженныхъ креселъ, гдѣ, можетъ, Лиза плакала. Жалко было сырого воздуха, прожженнаго страстнымъ дыханіемъ Вари, и рѣки, гдѣ погибъ мой хрупкій другъ Ниночка.

Не могъ оставить все, что любилъ... Зналъ, что скоро уйду далеко, навсегда, но зналъ, что такъ само случится и что то заставитъ уйти.

Мы съ Лешей стояли во дворѣ, когда началось. Мы говорили о Ниночкѣ.

— Вѣдь, случайно вышелъ я не такой; крови больше купеческой... а вотъ они...

Леша потянулъ носомъ; я тоже, но оба смолчали.

Простояли еще съ четверть часа. Леша

хочетъ серьезно заняться хозяйствомъ. Я посмѣлъ возразить:

— Въ такое время трудно.

Онъ протяжно свистнулъ:

— Во какъ въ руки заберу.

Въ это время такъ явно пахнуло дымомъ, что молчать не было возможности.

Я заговорилъ:

— Горитъ гдѣ-то...

Почему онъ пожалъ плечами?

— Издалека вѣтромъ тянетъ...

Видно, какъ и я, не хотѣлъ сознавать опасности; мы закрывали глаза, чтобъ отогнать дѣйствительность.

Но тутъ прибѣжала прислуга, загалдѣла— «горимъ»... Пришлось очнуться. Мы обернулись. За деревьями ширилось зарево: горѣлъ старый домъ.

Разомъ всѣ всполошились, ударили въ набатъ; народъ сбѣжался... Толпы стояли,

грызя подсолнушки, глазѣли, какъ горитъ барскій домъ.

А онъ пылалъ. Уже пламя овладѣло гнилыми стѣнами, вырывалось изъ оконъ, свистѣло. На каждомъ лицѣ я читалъ самодовольную мысль: — подожгли, таки...

Стояли молча, но вдругъ загудѣли: осилила привычка бояться господъ. Мужики дѣлали видъ, что тушить собираются.

— Спасай, что можно,—громко крикнулъ Леша,—ставлю бочку...

Возгласъ будто пробилъ ряды непріятеля. Толпа сорвалась и безстрашно пустилась въ огонь. Изъ оконъ полетѣли стулья, вазы, звонко разбивались, падая во дворѣ; бабы дрались изъ-за ковровъ.

Гулъ стоялъ невѣроятный, пламя выло на перебой съ людьми.

Но почему я не видѣлъ бочекъ, насоса? Леша забылъ о нихъ.

Я отступилъ подальше и стоялъ, спокойно любуясь огнемъ.

Никто, должно быть, не видѣлъ лучшей иллюминаціи. Горѣло все, воздухъ горѣлъ, природа пламенѣла вокругъ безформенной раскаленной массы. Клубы багроваго дыма высоко метались къ небу. Съ грохотомъ рушились балки, снопы искръ, побѣдно взрываясь, торжествовали праздникъ огня.

Ужъ не спасали: толпа безмолвно глядѣла, зачарованная стихіей.

Всѣ мы казались обагренными кровью, кровью стараго дома, множества жизней, протекшихъ въ немъ.

Я тихо любовался, когда кто то тронулъ меня за плечо.

— Арсеній! Откуда?

— Не могъ, не могъ уѣхать, зналъ...

— Да, не поможете...

Онъ не отвѣтилъ. Медленно, точно лунатикъ, сталъ приближаться къ дому. Оста-

новился. Я видѣлъ, какъ, постоявъ, онъ перекрестился и быстро, словно принявъ безумное рѣшеніе, нырнулъ въ пылающій домъ и скрылся въ огнѣ.

— Арсеній!—раздался чей-то дикій крикъ.

Да, вѣдь, это я самъ кричалъ... Но поздно было! Обрушилась крыша, пламя лилось огненнымъ потокомъ. Домъ походилъ на гигантскую черепаху, кровавую, съ горящими лапами, а темная спина колыхалась живая.

Я убѣжалъ на могилу къ Нинѣ, тамъ упалъ на сырой холмъ и пробылъ до утра, обнимая землю.

На утро меня Леша розыскалъ.

— Полно. Горя много, слишкомъ много, чтобъ плакать... Новое надо строить...

— Но Арсеній...

Леша поникъ головой:

— Жалко брата, но онъ непригодный былъ... Такимъ жить труднѣе смерти.

Что искалъ въ пламени Арсеній? Видно, не могъ разстаться съ предками, вся душа его тамъ была и пробудилась лишь, когда умирало прошлое.

Не долго Леша предавался печали. Вскорѣ въ городъ послалъ за страховымъ агентомъ.

— И не жалко до слезъ?

— По правдѣ сказать, я радъ. Денегъ не было на хозяйство, а домъ хорошо застрахованъ. Съ капиталомъ дѣло начну.

Вотъ какъ! А я то думалъ, что вмѣстѣ со мною понимаетъ. Это былъ почти добровольный поджогъ. Живыя тѣни погубилъ ради наживы.

Я выкопалъ розовый кустъ въ цвѣтникѣ, перенесъ его къ Ниночкѣ. Пусть эта радость будетъ ей отъ меня; вѣдь, почитала за друга. Нѣсколько слезъ пролилъ старый студентъ, совсѣмъ растрогался и побрелъ еще разъ на пепелище поглядѣть. Вокругъ засохли отъ жара деревья. Все,

что вчера кровью истекало, было сѣро и уныло, какъ безконечные будни. Умерли краски жизни — пусть завядшія, но тѣмъ болѣе прелестныя; не будетъ больше скорбной и страстной усадьбы; тамъ, гдѣ такъ долго рождались и умирали баре, станетъ торговать потомокъ ихъ — купецъ.

Я нашелъ среди развалинъ картину овальный портретъ въ старой золоченой рамѣ. Никогда не видалъ его: должно быть, валялся на чердакѣ. На портретѣ—молодая женщина въ платьѣ стиля имперіи, черноволосая, черноглазая. Меня больно кольнуло. Это Варя, та, что приходила ко гробу...

Я поднялъ, приглядѣлся. Черты красавицы, взбалмошной и чувственной: орлиный носъ, полныя яркія губы, съ усмѣшкой чуть вкось.

Какъ вороново крыло—волосы, глаза бездонные, полные страсти...

Варя и не она...

Идеалъ ея, а сама Варя—дурная копія.

Почему эта женщина меня преслѣдуетъ? я не желаю тайны...

Подумалъ: Леша долженъ знать. Розыскалъ его. Онъ мѣрилъ зерно, спѣшно продавая, чтобъ не подожгли.

Спросилъ у него:

— Кто это?

Подумалъ:

— Кажется, прабабка наша... да, да, она самая, молодецъ была баба.

— Прабабка?—сказалъ я взволнованно,— съ чьей стороны?

— Съ отцовской, Лягавыхъ.

— А какъ... рожденная?

— Рожденная? Если не ошибаюсь, Корсакова Елизавета.

Я не могъ говорить, только „Лиза!» сорвалось съ языка скорбно и тяжело.

Такъ вотъ она какая...

— Про нее много разсказовъ. Супругъ ея рано умеръ, на войнѣ, кажется, съ Напо-

леономъ... Она тогда изъ деревни уѣхала, сына забросила,—это дѣда моего,—такихъ, говорятъ, задавала!.. За француза замужъ вторично вышла, герцогъ что ли, того въ гробъ свела, три состоянья прокутила. Парижъ по ней съ ума сходилъ. Славу Богу, Лягавое пропустить не успѣла, во время умерла.

— Отчего умерла?—спросилъ, трепеща всей душой.

— Кажется, любовникъ убилъ, проходимецъ какой-то: не то испанецъ, не то революціонеръ... Не помню...

Я бросилъ портретъ, повернулся и пошелъ прочь.

— Куда? Подвезу. Мнѣ на станцію,— крикнулъ Леша въ догонку.

Рукой махнулъ: пойду пѣшкомъ.

Богъ съ вами со всѣми — живыми и мертвыми.

Савватій.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
БЫВШ. И. В. ПОПОВА.

Обложка отпечатана въ тип. «Сирусъ» [illegible]

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA CHAPEL HILL
0000541500 8